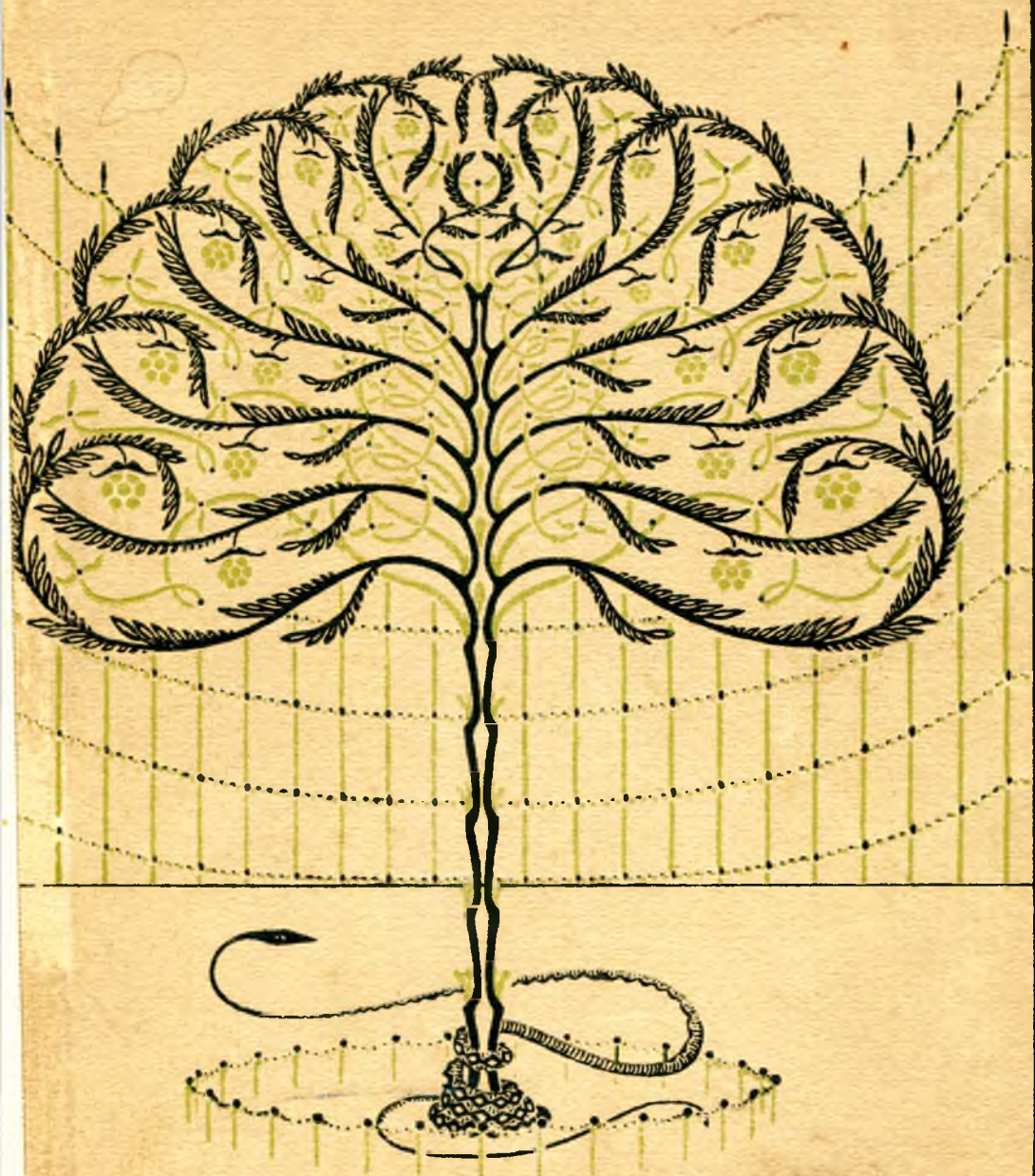

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

КАИНЪ.

Д. „ШИПОВНИКЪ“ 1907 СІ ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

КАИНЪ.

МИСТЕРІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
ИВ. БУНИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1907

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

ЗМІЙ ЖЕ БЪ МУДРѢЙШІЙ ВСѢХЪ
ЗВѢРЕЙ СУЩИХЪ НА ЗЕМЛИ, ИХЖЕ
СОТВОРИ ГОСПОДЬ БОГЪ.

Быт. 3, 1.

DRAMATIS PERSONAE.

МУЖЧИНЫ.—Адамъ.

Каинъ.

Авель.

ДУХИ.—Ангелъ Господень.

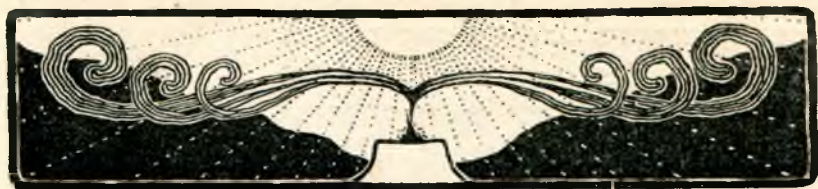
Люциферъ.

ЖЕНЩИНЫ.—Ева.

Ада.

Селла.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ рая. — Восходъ солнца.

Адамъ, Ева, Каинъ, Авель, Ада, Селла — на молитвѣ.

А Д А М Ъ .

Іегова, Вѣчный, Мудрый, Безконечный!
Ты, кто воззвалъ единымъ мощнымъ словомъ
Изъ мрака свѣтъ — хвала тебѣ и слава!
На утрѣ дня — хвала тебѣ и слава!

Е В А .

Іегова! Ты, кто далъ намъ день, и утро
Впервые отдѣлилъ отъ тьмы, и воды
Съ водами разлучилъ, и назвалъ небомъ
Твердь между водъ — хвала тебѣ и слава!

А В Е Л Ъ .

Іегова! Ты, кто раздѣлилъ стихіи
На землю, воду, воздухъ и огонь,

Кто, сотворивъ свѣтила дня и ночи,
Создалъ и тѣхъ, которые могли бы
Любить тебя, любить твои созданья
И ликовать — хвала, хвала тебѣ!

А д а .

Иегова, Богъ! Отецъ всей сущей твари,
Создавшій человѣка всѣхъ прекраснѣй,
Достойнѣй всѣхъ земной любви, дозволю мнѣ
Любить его! — Хвала, хвала тебѣ!

С е л л а .

Иегова! Ты, кто, все благословляя,
Все сотворивъ и все любя, дозволилъ
Войти въ Эдемъ и погубить насъ змію,
Храни насъ впредь! Хвала тебѣ и слава!

А д а м ъ .

Мой первенецъ, а что же ты молчишь?

К а и н ъ .

Что дѣлать мнѣ?

А д а м ъ .

Молись.

К а и н ъ .

Вѣдь, вы молились.

Адамъ.

Отъ всей души.

Каинъ.

И громко: я васъ слышалъ.

Адамъ.

Какъ и Творецъ, надѣюсь я.

Авель.

Аминь.

Адамъ.

Но ты молчишь, сынъ Каинъ.

Каинъ.

Это лучше.

Адамъ.

Скажи яснѣй.

Каинъ.

Мнѣ не о чемъ молиться.

Адамъ.

И не за что быть благодарнымъ?

Каинъ.

Нѣтъ.

Адамъ.

Но ты живешь?

Каинъ.

Чтобъ умереть?

Ева.

О, горе!

Плодъ древа запрещеннаго созрѣлъ.

Адамъ.

И мы опять должны его вкусить.

Зачѣмъ, о Боже, далъ ты древо знанья?

Каинъ.

Зачѣмъ ты не вкусилъ отъ древа жизни?

Тогда бь Онъ не страшилъ тебя.

Адамъ.

О, Каинъ!

Не богохульствуй: это рѣчи змія.

К а и н ъ .

Что жъ, змій не лгалъ: дало же древо знанье;
Другое — жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знаніе есть благо. Какъ же можетъ
Быть зломъ добро?

Е в а .

Мой сынъ, ты говоришь,
Какъ я, свершая грѣхъ свой, говорила:
Не дай его мнѣ видѣть возрожденнымъ
Въ твоёмъ грѣхѣ. Я примирилась съ небомъ.
Не дай мнѣ зрѣть, здѣсь, за вратами рая,
Свое дитя въ той сѣти, что сгубила
Въ раю его родителей. Доволенъ
Будь тѣмъ, что есть: довольствуйся мы раемъ,
И ты бѣ теперъ доволенъ былъ. О, сынъ мой!

А д а м ъ .

Молитва наша кончена, идемте
Къ своимъ трудамъ урочнымъ, не тяжелымъ,
Но все жъ необходимымъ: нивы щедро
Намъ воздають за малый трудъ.

Е в а .

Сынъ Каинъ,
Смотри, какъ онъ покорень и какъ бодръ:
Бери примѣръ.

Адамъ и Ева уходятъ.

А в е л ь.

Братъ, не гнѣви печалью
Предвѣчнаго: печаль безплодна.

А д а.

Каинъ,

Ты и на Аду хмуришься?

Каинъ.

Нѣтъ, Ада!

Но я одинъ побуду. Авель, мнѣ
Не по себѣ; но это не надолго.
Иди же, братъ. И вы идите, сестры.
Не должно нѣжность грубостью встрѣчать:
Я буду вслѣдъ за вами.

А д а.

Если жъ нѣтъ,
Я за тобой вернусь сюда.

А в е л ь.

Да будетъ
Миръ надъ тобою, братъ!
Авель, Селла и Ада уходятъ.

Каинъ, одинъ.

И это жизнь!
Трудись, трудись! Но почему я долженъ
Трудиться? Потому, что мой отецъ

Утратилъ рай. Но въ чемъ же я виновенъ?
Въ тѣ дни я не рожденъ былъ, — не стремился
Рожденнымъ быть, — родившись, не люблю
Того, что мнѣ дало мое рожденье.
Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
А уступивъ, за что страдаетъ? Дерево
Росло въ Раю и было такъ прекрасно:
Кто жъ долженъ былъ имъ пользоваться? Если
Не онъ, такъ для чего оно росло
Вблизи его? У нихъ на всѣ вопросы
Одинъ отвѣтъ: «Ею святая воля,
А Онъ есть благъ». Всесилень, такъ и благъ?
Зачѣмъ же эта благодать наказуетъ
Меня за грѣхъ родителей? — Но кто-то
Идетъ сюда. По виду, это ангелъ,
Хотя онъ и суровѣй, и печальнѣй,
Чѣмъ ангелы: онъ мнѣ внушаетъ страхъ.
Онъ не страшнѣе тѣхъ, что потрясаютъ
Горящими мечами предъ вратами,
Вокругъ которыхъ часто я скитаюсь,
Чтобъ на свое законное наслѣдье —
На райскій садъ взглянуть хотя мелькомъ,
Скитаюсь до поры, пока не скроетъ
Ночная тьма Эдема и безсмертныхъ
Эдемскихъ насажденій, осѣнившихъ
Зубцы твердынь, хранимыхъ грозной стражей;
Я не дрожалъ при видѣ херувимовъ,
Такъ отчего жъ я съ трепетомъ встрѣчаю
Того, кто приближается? Онъ смотритъ
Величественнѣй ангеловъ; онъ такъ же
Прекрасенъ, какъ безплотные, но, мнится,
Не столь прекрасенъ, какъ когда-то былъ
Иль могъ бы быть: скорбь кажется мнѣ частью

Его души, — хотя доступна ль скорбь
Для ангеловъ? Но онъ подходитъ.

Люциферъ, *приближаясь.*

Смертный!

Каинъ.

Кто ты, о духъ?

Люциферъ.

Я повелитель духовъ.

Каинъ.

Но если такъ, зачѣмъ ты ихъ покинулъ
Для смертнаго?

Люциферъ.

Я знаю мысли смертныхъ
И сострадаю смертнымъ.

Каинъ.

Какъ! ты знаешь,
Что мысляю я?

Люциферъ.

Да, это мысли всѣхъ
Достойныхъ мысли; это говоритъ въ васъ
Безсмертіе.

К а и н ъ.

Безсмертіе? О немъ
Не знаемъ мы: безуміемъ Адама
Мы лишены плодовъ отъ древа жизни,
Межъ тѣмъ какъ мать вкусила слишкомъ рано
Плода отъ древа знанья—нашей смерти.

Л ю ц и ф е р ь.

Ты будешь жить,—не вѣрь имъ.

К а и н ъ.

Я живу,
Но лишь затѣмъ, чтобъ умереть, и въ жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сдѣлать ненавистною мнѣ, кромѣ
Врожденной намъ привязанности къ жизни,
Презрѣнной, но ничѣмъ не побѣдимой:
Живя, я проклиная часъ рожденья
И презираю самого себя.

Л ю ц и ф е р ь.

Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прахъ земной, что плоть твоя есть сущность.
Прахъ твой умретъ, а ты вовѣкъ пребудешь
Тѣмъ, чѣмъ ты былъ.

К а и н ъ.

Чѣмъ былъ? Но и не больше?

Люциферъ.

Быть можетъ, ты подобенъ будешь намъ.

Каинъ.

А вы?

Люциферъ.

Мы вѣчны.

Каинъ.

Счастливы?

Люциферъ.

Могучи.

Каинъ.

Я говорю, вы счастливы?

Люциферъ.

Мы — нѣтъ.

А ты?

Каинъ.

Взгляни!

Люциферъ.

О, жалкій прахъ! Ты смѣешь
Считать себя несчастнымъ?

Каинъ.

Я несчастень.

А ты съ твоимъ могуществомъ — кто ты?

Люциферъ.

Тотъ, кто дерзаль съ твоимъ творцомъ равняться
И кто тебя такимъ не сотвориль бы.

Каинъ.

Да, ты глядишь почти что Богомъ. Ты...

Люциферъ.

Но я не богъ и, не достигнувъ бога,
Хочу одно: самимъ собой остаться.
Онъ побѣдилъ, — пусть царствуетъ!

Каинъ.

Кто — онъ?

Люциферъ.

Творецъ земли, творецъ людей...

Каинъ.

И неба,

И суцаго на небѣ. Такъ поютъ
Архангелы, такъ говоритъ родитель.

Люциферъ.

Они поютъ и говорятъ лишь то,
Что имъ велятъ. Ихъ устрашаетъ участь
Быть въ мѣрѣ тѣмъ, чѣмъ мы съ тобою стали:
Ты — межъ людей, я — межъ бессмертныхъ духовъ.

Каинъ.

А мы съ тобой — кто мы?

Люциферъ.

Мы существа,
Дерзнувшія сознать свое бессмертье,
Взглянуть въ лицо всесильному Тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Онъ говоритъ, что создалъ насъ съ тобою —
Я этого не знаю и не вѣрю,
Что это такъ — но если онъ насъ создалъ,
Онъ насъ не уничтожить: мы бессмертны!
Онъ долженъ былъ бессмертными создать насъ,
Чтобъ мучить насъ: пусть мучить! Онъ великъ,
Но онъ въ своемъ величїи несчастнѣй,
Чѣмъ мы въ борьбѣ. Зла не рождаетъ благо,
А онъ родитъ одно лишь зло. Но пусть
Онъ на своемъ престолѣ величавомъ
Творитъ мїры, чтобъ облегчить себѣ
Ни съ кѣмъ не раздѣленное бессмертье,
Пусть громоздитъ на звѣзды звѣзды: все же
Онъ одинокъ, тиранъ бессмертный. Если бъ
Онъ самого себя могъ уничтожить,
То это былъ бы лучший даръ изъ всѣхъ

Его даровъ. Но пусть царить, пусть страждетъ!
Мы, души, съ вами, смертными, мы можемъ
Хоть сострадать другъ другу; мы, терзаясь,
Мученія другъ другу облегчаемъ
Сочувствіемъ: оно весь міръ связуетъ;
Но Онъ! въ своемъ величїи несчастный,
Въ несчастїи не знающій отрады,
Онъ лишь творить, чтобъ безъ конца творить!

К а и н ъ .

Ты говоришь о томъ, что хоть неясно,
Но ужъ давно въ моемъ умѣ носилось:
Я никогда не могъ согласовать
Того, что видѣлъ, съ тѣмъ, что говорятъ мнѣ.
Мать и отецъ толкуютъ мнѣ о змїѣ,
О древѣ, о плодахъ его; я вижу
Врата того, что было ихъ Эдемомъ,
И ангеловъ съ палящими мечами,
Изгнавшихъ насъ изъ рая; я томлюсь
Въ трудахъ и думахъ; чувствую, что въ мірѣ
Ничтоженъ я, межъ тѣмъ какъ мысль моя
Сильна, какъ Богъ! Но я молчалъ, я думалъ,
Что я одинъ страдаю. Мой отецъ
Давно смирился; въ матери угасла
Та искра, что влекла ее къ познанию;
Братъ бдитъ стада и совершаетъ жертвы
Изъ первенцевъ отъ этихъ стадъ Тому,
Кто повелѣлъ, чтобъ намъ земля давала
Плоды лишь за тяжелый трудъ; сестра
Поетъ ему хвалы еще до солнца,
И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимаетъ мыслей,

Меня гнетущихъ: я еще не встрѣтилъ
Ни въ комъ себѣ сочувствія! Тѣмъ лучше:
Я съ духами въ сообщество вступлю.

ЛЮЦИФЕРЪ

Ты этого сообщества достоинъ.
Иначе ты не видѣлъ бы меня:
Довольно было бѣ змѣя.

КАИНЪ.

А! Такъ это
Ты соблазнитель матери?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ничѣмъ,
Помимо правды, я не соблазняю.
Вѣдь вы вкусили знанія, вѣдь были
Плоды на древѣ жизни? Развѣ я
Давалъ запретъ вкушать отъ нихъ? И я ли
Растилъ плоды запретные къ соблазну
Существовъ душой невинныхъ, любопытныхъ
Въ своей святой невинности? Я бѣ создалъ
Богамъ васъ, а онъ лишилъ васъ Рая,
„Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
И не были, какъ боги“.—Таковы
Ею слова.

КАИНЪ.

Ты правъ. Я это слышалъ
Отъ тѣхъ, кому они звучали въ громѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Такъ кто жъ злой духъ? Тотъ, кто лишилъ васъ жизни,
Иль тотъ, кто вамъ хотѣлъ дать жизнь и радость,
И знаніе?

КАИНЪ.

Имъ нужно было оба
Сорвать плода, иль не срывать совсѣмъ!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Одинъ ужъ вашъ; стремитесь къ другому.

КАИНЪ.

Но какъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не можетъ духа, если хочетъ
Духъ быть самимъ собой и средоточьемъ
Всего, что окружаетъ духъ; онъ созданъ,
Чтобъ царствовать.

КАИНЪ.

Не ты ли соблазнилъ
Отца и мать?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я? Жалкій прахъ! Зачѣмъ мнѣ
Васъ соблазнять? И какъ?

К а и н ъ.

Мнѣ говорили,
Что змій былъ духъ.

Л ю ц и ф е р ь.

Кто это говорить?
Не жалкое ль тщеславье челоуѣка,
Что силится свалить свое паденье
На насъ, на духовъ? Змій былъ змій, не больше,
Но и не меньше тѣхъ, что соблазнились.
Онъ тоже прахъ, но онъ мудрѣ ихъ,
Затѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Развѣ сталъ бы
Я принимать подобье смертной твари?

К а и н ъ.

Но тварь въ себѣ скрывала злого духа.

Л ю ц и ф е р ь.

Нѣтъ, тварь его лишь разбудила въ тѣхъ.
Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея коварный.
Я говорю, что змій былъ только змій:
Спроси у херувимовъ, стерегущихъ
Запретный плодъ. Когда вѣка вѣковъ
Пройдутъ надъ вашимъ прахомъ безглагольнымъ,
Потомки ваши баснею украсятъ
Вашъ первый грѣхъ и мнѣ припишутъ образъ,
Который презираю я, какъ все,
Что предъ творцомъ склоняется, создавшимъ
Все сущее въ живыхъ для поклоненья

Передъ его безсмертіемъ угрюмымъ.
Но мы — мы знаемъ истину и станемъ
Провозглашать лишь истину. Адамъ
Плѣненъ былъ пресмыкающейся тварью.
Но духъ не пресмыкается: чему
Завидовать въ предѣлахъ тѣсныхъ Рая
Владыкъ безпредѣльнаго пространства?
Но я съ тобою рѣчь веду о томъ,
Чего ты, несмотря на древо знанья,
Не можешь знать.

К а и н ъ.

Но укажи мнѣ то,
Чего я не хотѣлъ бы знать, не жаждалъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

К а и н ъ.

Ее

Никто еще не видѣлъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Испытать же
Придется всѣмъ.

К а и н ъ.

Отецъ мой говоритъ
О ней, какъ о чудовищѣ, мать плачетъ
При словѣ „смерть“, братъ Авель къ небесамъ

Возводитъ очи; Селла потупляетъ
Свои къ землѣ, шепча молитву; Ада
Глядитъ въ мои.

Люциферъ.

А ты?

Каинъ.

Когда я слышу
Объ этой всемогущей и, какъ видно,
Ничѣмъ неотвратимой смерти, думы
Невыразимыя въ моемъ умѣ тѣснятся
И жгутъ его. Возможно ль съ ней бороться?
Я мальчикомъ со львомъ боролся въ играхъ
И такъ сжималъ въ объятіяхъ его,
Что онъ ревѣлъ и обращался въ бѣгство.

Люциферъ.

Смерть не имѣетъ образа, но все,
Что носить видъ земныхъ существъ, поглотить.

Каинъ.

Я смерть считалъ за существо. Что можетъ
Столь злостнымъ быть, помимо существа?

Люциферъ.

Спроси у Разрушителя.

Каинъ.

Какого?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Иль у Творца—зови его, какъ хочешь.
Вѣдь, онъ творить затѣмъ, чтобъ разрушать.

КАИНЪ.

Я этого не зналъ еще, но думалъ
Почти что то же самое, какъ только
Я услыхалъ о смерти. Я не знаю,
Что значить смерть, но смерть мнѣ представлялась
Всегда ужаснымъ чѣмъ-то. Я нерѣдко
Вперялъ свой взоръ во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видѣлъ чьи-то тѣни
У райскихъ стѣнъ, во мракѣ, гдѣ пылаютъ
Мечи въ десницѣ ангеловъ, и жадно
Слѣдилъ за тѣмъ, что мнѣ казалось смертью.
Весь трепеща отъ страха и желанья
Увидѣть то, предъ чѣмъ мы всѣ трепещемъ.
Но мракъ былъ пустъ, и я свой взоръ усталый
Отъ стѣнъ родного Рая отвращалъ
Къ свѣтиламъ горнимъ, къ синему эфиру,
Къ его огнямъ, столь нѣжнымъ и прекраснымъ.
Ужели и они умрутъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Быть можетъ;
Но надолго всѣхъ васъ переживутъ.

КАИНЪ.

Я радъ за нихъ. Но смерть! Смерть мнѣ внушаетъ трепеть!
Она есть нѣчто грозное: но что же?

Она намъ всѣмъ, виновнымъ и невиннымъ,
Какъ зло была объявлена: какое?

Люциферъ.

Вновь прахомъ стать.

Каинъ.

Стать неподвижнымъ прахомъ
Еще не зло; но только бы не быть
Ничѣмъ инымъ!

Люциферъ.

Презрѣнное желанье!
Презрѣннѣй, чѣмъ желанія Адама:
Тотъ хотъ стремился къ знанью.

Каинъ.

Но не къ жизни;
Иначе почему онъ не вкусилъ
Отъ древа жизни?

Люциферъ.

Изгнанъ былъ изъ рая.

Каинъ.

Ужасная ошибка! Онъ былъ долженъ
Сперва сорвать плодъ жизни, но, не зная
Добра и Зла, не вѣдалъ онъ и смерти.

Увы! Я смерть узналъ еще такъ мало,
Но ужъ страшусь... того, чего не знаю.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А я, познавшій все, ужъ не страшусь
Ни передъ чѣмъ. Вотъ истинное знанье.

КАИНЪ.

Наставь меня.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Съ условіемъ.

КАИНЪ.

Какимъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Пади и поклонись мнѣ, какъ владыкѣ.

КАИНЪ.

Ты развѣ Богъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не Богъ.

КАИНЪ.

Такъ равный Богу?

Люциферъ.

О нѣтъ, я не имѣю ничего
Съ нимъ общаго — и не скорблю объ этомъ.
Я соглашусь быть чѣмъ угодно — выше
Иль даже ниже — только не слугою
Могущества Іеговы. Я не Богъ,
Но я великъ: не мало тѣхъ, что сердцемъ
Чтутъ власть мою, — ихъ будутъ сонмы; будь же
Изъ первыхъ — ты.

Каинъ.

Я никогда еще
Предъ божествомъ отца не преклонялся,
Хотя нерѣдко Авель умоляетъ,
Чтобъ мы свершали жертвы Богу вмѣстѣ.
Зачѣмъ же мнѣ склоняться предъ тобой?

Люциферъ.

Ты никогда предъ нимъ не преклонялся?

Каинъ.

Ты развѣ не слыхалъ меня? И развѣ
Ты самъ не зналъ объ этомъ? Ты всевѣдущъ.

Люциферъ.

Но не поклонникъ Бога — мой поклонникъ.

Каинъ.

Я не хочу сгибаться ни предъ кѣмъ.

Люциферъ.

Ты все же мой: непоклоненье Богу
Есть поклоненье мнѣ.

Каинъ.

Скажи яснѣе.

Люциферъ.

Ты самъ поймешь — со временемъ.

Каинъ.

Открой

Мнѣ тайну моего существованья.

Люциферъ.

Иди за мной.

Каинъ.

Мнѣ нужно на работу.

Я общалъ...

Люциферъ.

Что общалъ?

Каинъ.

Для жертвы

Набрать плодовъ.

Люциферъ.

Не ты ли говорилъ,
Что предъ Творцомъ ни разу не склонялся?

Каинъ.

Но Авель упросилъ меня. Вѣдь жертву
Свершу не я — скорѣ онъ. И Ада...

Люциферъ.

Чѣмъ ты смущенъ?

Каинъ.

Она моя сестра,
Мы рождены однимъ и тѣмъ же чревомъ
Въ одинъ и тотъ же день: она слезами
Исторгла обѣщанье у меня.
Я все готовъ перенести для Ады,
Я преклонюсь предъ чѣмъ угодно, лишь бы
Въ слезахъ ея не видѣть.

Люциферъ.

Такъ иди
Вослѣдъ за мной.

Каинъ.

Духъ, я иду.

А да, *входя.*

Братъ Каинъ

Я за тобой: ужъ полдень,— наступаетъ
Чась отдыха и радости, и намъ
Недостаесть тебя. Ты не работалъ,
Но я твой трудъ исполнила; созрѣли
Твои плоды и блещутъ, точно солнце.
Идемъ.

Каинъ.

Иль ты не видишь?

А да.

Вижу — ангель.

Мы видимъ ихъ нерѣдко. Онъ раздѣлитъ
Чась нашего полдневнаго досуга?

Каинъ.

Онъ не похожъ на ангеловъ, которыхъ
Мы видѣли.

А да.

Есть развѣ и другіе?

Но и ему мы будемъ рады — такъ же,
Какъ и другимъ: тѣ не гнушались нами.

Каинъ, *Люциферу.*

Идешь ли ты?

Люциферъ.

Иди за мной.

Каинъ.

Я долженъ
Идти за нимъ.

Ада.

И насъ покинуть?

Каинъ.

Да.

Ада.

И даже Аду?

Каинъ.

Ада!

Ада.

Такъ позволь мнѣ
Идти съ тобой!

Люциферъ.

Нѣтъ, онъ пойдетъ одинъ.

Ада.

Кто ты, разъединяющій такъ властно
Сердца людей?

К а и н ъ.

Онъ Богъ.

А да.

А кто объ этомъ
Тебѣ сказаль?

К а и н ъ.

Онъ говоритъ, какъ Богъ.

А да.

Такъ говорилъ и лживый змій.

Л ю ц и ф е р ъ.

Нѣтъ, Ада,
Змій вамъ не лгалъ: дало же древо знанья
Познаніе.

А да.

На горе намъ!

Л ю ц и ф е р ъ.

О, да.

Но это горе — знаніе, и, значитъ,
Змій вамъ не лгалъ; онъ истиной прельстиль васъ.
А истина, по существу, есть благо.

Ада.

Но истина несетъ намъ только бѣды:
Изгнаніе изъ нашего пріюта,
Тяжелый трудъ, душевный гнетъ и страхъ,
Томленіе о прошломъ и надежды
На то, что не вернется. Не ходи
За этимъ духомъ, Каинъ! Примиришь
Съ своей судьбой, какъ мы съ ней примирились,
Люби меня, какъ я тебя люблю.

Люциферъ.

Сильнѣй отца и матери?

Ада.

Сильнѣе!

Но развѣ это тоже смертный грѣхъ?

Люциферъ.

Пока — не грѣхъ; но будетъ имъ — въ грядущемъ,
Для вашего потомства.

Ада.

Какъ! Ужели

Любить Эноха дочь моя не будетъ?

Люциферъ.

Не такъ, какъ Ада — Каина.

А да.

О Боже!

Ужель они не будутъ ни любить,
Ни жизнь давать созданьямъ, что возникали бѣ
Изъ ихъ любви, чтобъ вновь любить другъ друга?
Но развѣ не питаются они
Одною грудью? Развѣ не родился
Онъ, ихъ отецъ, въ одинъ и тотъ часъ же
Со мной отъ лона матери? И развѣ
Не любимъ мы другъ друга и любовью
Не множимъ тѣхъ, что будутъ такъ же нѣжно
Любить, какъ мы ихъ любимъ? — какъ люблю я
Тебя, мой братъ? Нѣтъ, не ходи за нимъ,
За этимъ духомъ: это духъ — намъ чуждый.

Люциферъ.

Но я не говорилъ тебѣ, что ваша
Любовь есть грѣхъ: она преступной будетъ
Въ глазахъ лишь тѣхъ, что васъ замѣнятъ въ жизни.

А да.

Такъ, значитъ, добродѣтель и порокъ
Зависятъ отъ случайности? Тогда
Мы всѣ — рабы.

Люциферъ.

Рабами даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободныхъ мукъ бряцанію на арфахъ
И низкимъ восхваленіямъ Іеговы

За то, что онъ, Іегова, Всемогущъ
И не любовь внушаетъ имъ, а ужась.

А да.

Кто всемогущъ, тотъ и всеблагъ.

Люциферъ.

Такимъ ли

Онъ былъ въ Раю?

А да.

Врагъ! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекраснѣй,
Чѣмъ демонъ змій, но также лживъ.

Люциферъ.

Правдивъ.

Спроси у вашей матери, у Евы:
Солгалъ ли змій?

А да.

О, мать! Твое паденье
Для чадъ твоихъ губительнѣе было,
Чѣмъ для тебя: ты провела хоть юность
Въ Эдемѣ, въ беззаботномъ и блаженномъ
Общеніи съ блаженными; а насъ,

Не вѣдавшихъ Эдема, обступаютъ
Враги, которые присвоили себѣ
Слова Творца и соблазняютъ наши
Мятущіяся души нашей жадной
Неутоленной мыслью, какъ тебя
Змій соблазнилъ на лонѣ беззаботныхъ
Невинныхъ юныхъ радостей твоихъ!
Безсмертному, стоящему предъ нами,
Я не могу отвѣтить, не могу
Проклясть его; я съ сладостной боязнью
Любуюсь имъ — и не могу бѣжать:
Въ его глазахъ — таинственная прелесть,
И я не въ силахъ взора отвести
Отъ этихъ глазъ; въ груди трепещетъ сердце,
Мнѣ страшно съ нимъ, но онъ влечетъ меня,
Влечетъ къ себѣ все ближе... Каинъ! Каинъ!
Спаси меня!

Каинъ.

Не бойся: онъ не демонъ.

Ада.

Но и не Богъ, не ангелъ Божій: я
Видала херувимовъ, серафимовъ;
Онъ не похожъ на нихъ.

Каинъ.

Есть духи выше:

Архангелы.

Люциферъ.

Еще есть выше.

Ада.

Есть,

Но развѣ тѣ блаженны?

Люциферъ.

Если рабство
Равняется блаженству — не блаженны.

Ада.

Я слышала, что нѣжны — серафимы,
А мудры — херувимы. Духъ, ты — мудрый.
Ты — херувимъ, тебѣ любовь чужда.

Люциферъ.

Когда любовь отъ знанья гибнетъ, — кѣмъ же
Быть долженъ тотъ, кого, узнавъ, не любишь?
Всезнающимъ и мудрымъ херувимамъ
Любовь чужда; такъ, значить, серафимы
Лишь по незнанью любятъ. Что любовь
Несовмѣстима съ знаніемъ, мы видимъ:
Примѣръ — судьба Адама. Выбирайте
Межъ знаньемъ и любовью, — вѣдь, другого
Нѣтъ выбора. Адамъ уже избралъ:
Онъ почитаетъ Бога лишь изъ страха.

Ада.

О, Каинъ! Избери любовь.

К а и н ъ.

Съ любовью
Къ тебѣ, сестра, я былъ рождень. Но больше
Я ничего на свѣтѣ не люблю.

А д а.

А мать, отецъ?

К а и н ъ.

Они насъ не любили,
Срывая плодъ, лишившій насъ Эдема.

А д а.

Мы не были въ то время рождены,
А если бы и были — неужель
Мы не должны любить ихъ такъ же нѣжно,
Какъ любимъ мы своихъ малютокъ, Каинъ?

К а и н ъ.

Мои едва лепечущія крошки!
Будь я увѣренъ въ счастья ихъ, я могъ бы
Почти простить... Но это не простится
Черезъ тысячи столѣтій! Никогда
Любить не будутъ память человѣка,
Что сѣмя человѣческаго рода
И сѣмя зла посѣять могъ въ одинъ
И тотъ же часъ. Онъ палъ — но мало было
Ему своихъ страданій: онъ зачалъ
Меня, тебя, всѣхъ насъ, — пока немногихъ,

И весь безмѣрный, безконечный рядъ,
Мирьяды, сонмы тѣхъ, что нарождаются
Наслѣдовать страданія, вѣками
Копленныя. И это я, я долженъ
Быть ихъ отцомъ! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, мигъ блаженства,
Мгновеніе покоя, все, что любимъ
Мы въ дѣтяхъ и другъ въ другъ — все ведетъ
И насъ, и ихъ путемъ грѣха и скорби,
Лишь изрѣдка даруя мигъ отрады,
Къ невѣдомому — смерти. Дерево знанья
Насъ обмануло: грѣхъ свершенъ, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаемъ лишь одно: что мы несчастны.

А да.

Я не несчастна, Каинъ, и когда бы
Ты счастливъ былъ...

Каинъ.

Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь въ томъ, что унижаетъ
Во мнѣ мой духъ.

А да.

Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но съ тѣми,
Что близки мнѣ, я думаю, могла бы!
Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мнѣ, хотя
Она и страшной кажется, какъ часто
Приходится мнѣ слышать.

Люциферъ.

 Такъ одна
Ты счастлива не можешь быть?

Ада.

 Но кто же
Одинъ бы могъ быть счастливъ или добръ?
Одна! но мнѣ мое уединенье
Всегда грѣхомъ казалось, если я
Не чаяла, что скоро встрѣчусь съ близкимъ.

Люциферъ.

Но Богъ твой одинокъ: такъ неужели
Не счастливъ онъ, не добръ?

Ада.

 Онъ не одинъ:
Есть ангелы и смертные, — онъ счастливъ,
Даруя счастье ангеламъ и смертнымъ.
Вѣдь радость въ томъ, чтобъ радовать другихъ.

Люциферъ.

А твой отецъ, — давно ли изъ Эдема
Былъ изгнанъ онъ? А Каинъ? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?

Ада.

 Увы!
Но ты — вѣдь, ты не ангель?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Нѣтъ, не ангель.

А почему — спроси у Всеблагого,
Всесильнаго Создателя вселенной:
Онъ знаетъ тайну эту. Мы смирились,
Другіе воспротивились — и тщетно,
Какъ говорятъ намъ ангелы. По мнѣ же,
Не тщетно, нѣтъ, — вѣдь, хуже быть не можетъ.
Есть въ духѣ мудрость, — мудрость же влечетъ
Духъ къ истинѣ, какъ сквозь разсвѣтнй сумракъ
Вашъ взоръ влечетъ далекой блескъ денницы.

А д а.

Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Боготворишь иль любишь?

А д а.

Отецъ боготворитъ лишь одного
Незримаго.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Незримое являетъ
Себя въ прекрасныхъ символахъ. А эта
Звѣзда есть вождь небесной звѣздной рати.

А д а.

Отецъ и Бога видѣлъ.

Люциферъ.

Да. А ты?

А да.

Я видѣла Творца въ его твореньяхъ.

Люциферъ.

А въ существѣ?

А да.

Нѣтъ; развѣ лишь въ отцѣ,
Который есть подобіе Іеговы,
Иль въ ангелахъ, столь на тебя похожихъ.
Ихъ образъ лучезарнѣе, чѣмъ твой,
Хотя не такъ онъ властенъ и прекрасенъ:
Какъ тихій полдень, свѣтомъ напоенный,
Они на насъзираютъ, ты же — ночь,
Ночной эфиръ, гдѣ облака, бѣлѣя,
Сквозятъ на темномъ пурпурѣ, а звѣзды
Лучистыми огнями испещряютъ
Таинственный и дивный сводъ небесъ.
Несмѣтная, мерцающія нѣжно,
Но такъ къ себѣ влекущія, онѣ
Мои глаза слезами наполняютъ,
Какъ ты теперь. Ты кажешься несчастнымъ;
Не дѣлай насъ такими же! Ты видишь —
Я плачу о тебѣ.

Люциферъ.

О, эти слезы!

Когда бъ ты знала, сколько ихъ прольется!

Ада.

Мной?

Люциферъ.

Всѣми.

Ада.

Кѣмъ?

Люциферъ.

Мирьядами мирьядъ,
Мильонами мильоновъ, — всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адомъ переполненнымъ, чье сѣмя
Въ твоей груди.

Ада.

О, Каинъ! Этотъ духъ
Насъ прокликаетъ.

Каинъ.

Онъ меня ведетъ.

Ада.

Ведетъ — куда?

Люциферъ.

Туда, гдѣ онъ пробудетъ
Лишь только часъ, но гдѣ увидитъ то.
Что создано несчетными вѣками.

А да.

Возможно ль это?

Люциферъ.

Развѣ вашъ Создатель
Въ шесть дней не создалъ міръ вашъ изъ обломковъ
Былыхъ міровъ? И развѣ я, помощникъ
Въ Его созданьи міра, не могу
Въ часъ показать того, что создавалъ Онъ
Иль разрушалъ въ часы?

Каинъ.

Веди меня.

А да.

Но черезъ часъ вернется онъ?

Люциферъ.

Вернется.

Мы временемъ не связаны. Я вѣчность
Могу вмѣстить въ единое мгновенье
И превратить мгновенье въ вѣчность. Духи
Свое существованье измѣряютъ
Не тѣмъ, чѣмъ вы. Но это тайна. — Каинъ!
Иди за мной.

А да.

Но онъ ко мнѣ вернется?

Л ю ц и ф е р ь .

Да, женщина! Онъ первый и послѣдній,
За исключеньемъ только Одного,
Изъ этихъ мѣстъ вернется, чтобы сдѣлать
Ихъ міръ, еще безмолвный и пустынный,
Такимъ же населеннымъ, какъ и землю.

А д а .

Гдѣ ты живешь?

Л ю ц и ф е р ь .

Въ пространствѣ. Гдѣ могу
Я обитать? Тамъ, гдѣ твой Богъ, иль Боги
Все въ міръ раздѣлили я: вѣчность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо
И то, что ни земля, ни небо—міръ,
Который населенъ и населится
Отъ тѣхъ, что населяли иль населятъ
То и другое: вотъ мои владѣнья.
Я раздѣлилъ съ нимъ царство и владѣю
Еще и тѣмъ, гдѣ онъ не властенъ. Если бъ
Я не былъ столь могущественъ, то развѣ
Я былъ бы здѣсь? Здѣсь ангелы витаютъ.

А д а .

Но ангелы витали и въ Раю,
Гдѣ говорилъ лукавый змій.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты слышалъ
Призывъ мой, Каинъ? Если жаждешь знанья
Иди за мною — жажда утолится,
И даже безъ запретнаго плода,
Способнаго лишить тебя навѣки
Единственнаго блага, что оставилъ
Тебѣ мой Врагъ. Иди за мною, Каинъ.

КАИНЪ.

Духъ, я иду.

Люциферъ и Каинъ уходятъ.

А Д А, во слѣдъ имъ.

О, Каинъ! Братъ мой! Каинъ!

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бездна пространства.

ЛЮЦИФЕРЪ И КАИНЪ.

КАИНЪ.

Не падая, я воздухъ попираю,
Хотя боюсь, что упаду.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не бойся —
Довѣрься мнѣ, владыкъ этой бездны.

КАИНЪ.

Но развѣ вѣра въ духа не грѣховна?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Сомнѣнье — гибель, вѣра — жизнь. Таковъ
Уставъ того, кто именуется бѣсомъ

Меня предъ сонмомъ ангеловъ, они же
Передаютъ названье это тварямъ,
Которымъ непонятно то, что выше
Ихъ жалкихъ чувствъ, которыя трепещутъ
Велѣній господина и считаютъ
Добромъ иль зломъ все, что прикажетъ онъ.
Я въ рабствѣ не нуждаюсь. Ты увидишь
За тѣсной гранью маленькаго міра,
Гдѣ ты рожденъ, несмѣтные міры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомнѣнья. Будетъ день—
И человѣкъ, несомый водной хлябью,
Другому скажетъ: *вѣруй и іряди*—
И тотъ пойдетъ по хляби невредино.
Я вѣры, какъ условія спасенья,
Не требую. Лети со мной, какъ равный,
Надъ бездною пространства, — я открою
Тебѣ живую лѣтопись міровъ
Прошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ.

К а и н ъ .

О богъ, иль бѣсъ—кто бъ ни былъ ты: что это?
Ужель земля?

Л ю ц и ф е р ь .

Ты не узналъ земли?
Той персти, изъ которой ты былъ созданъ?

К а и н ъ .

Какъ! Этотъ кругъ, синѣющій въ зѣирѣ
Вблизи кружка, похожаго на то,

Что ночью освѣщаетъ нашу землю,
И есть нашъ Рай? А гдѣ же стѣны Рая?
И тѣ, что стерегутъ ихъ?

Люциферъ.

Покажи

Мнѣ мѣсто Рая.

Каинъ.

Это невозможно!

Чѣмъ дальше мы уносимся впередъ,
Тѣмъ кругъ земли становится все меньше
И, уменьшаясь, свѣтится вдали
Все ярче серебристымъ звѣднымъ свѣтомъ.
Мы съ быстротою солнечныхъ лучей
Летимъ впередъ, и онъ ужъ начинаетъ
Теряться средь безчисленнаго сонма
Окрестныхъ звѣздъ.

Люциферъ.

Но что бы ты подумалъ,
Когда бъ узналъ, что есть міры громаднѣй,
Чѣмъ міръ земной, что есть созданья выше,
Чѣмъ человѣкъ, что ихъ число несмѣтно,
Что всѣ они на смерть обречены
И всѣ живутъ, всѣ страдаютъ?

Каинъ.

Я бѣ гордился
Своимъ умомъ, постигнувшимъ все это.

Люциферъ.

А если духъ твой скованъ отъ рожденья
Тяжелой грубой плотью, если онъ,
Столь гордый тѣмъ, что знаетъ, жаждетъ новыхъ,
Все новыхъ, высшихъ знаній, а межъ тѣмъ
Не побѣдитъ ничтожнѣйшихъ, грубѣйшихъ,
Мерзѣйшихъ нуждъ, и высшею отрадой
Считаетъ только сладостный и грязный,
Безъ мѣры истомляющій обманъ,
Влекущій къ созиданію лишь новыхъ
Несмѣтныхъ душъ, несмѣтныхъ тѣлъ, съ рожденья,
Приговоренныхъ къ смерти?

Каинъ.

Духъ! я знаю
О смерти только то, что смерть ужасна,
Что смерть — нашъ общій горестный удѣлъ,
Какъ слышалъ я отъ матери, которой
Обязаны мы смертью вмѣстѣ съ жизнью.
Но, если такъ, дай умереть мнѣ, духъ!
Вѣдь быть отцомъ созданій, обреченныхъ
На жизнь среди страданій и на гибель,
Не все ль равно, что смерть плодитъ и въ мірѣ
Распространять злодѣйство?

Люциферъ.

Ты не можешь
Весь умереть: есть нѣчто, что бессмертно.

Каинъ.

Богъ это скрылъ, изгнавъ отца изъ Рая
И заклеивъ зловѣщимъ знакомъ смерти

Его чело. Но пусть во мнѣ погибнетъ
Хоть смертное, чтобъ въ остальномъ я былъ
Какъ ангелы.

Люциферъ.

Я ангельскаго чина:
Ты хочешь быть такимъ, какъ я?

Каинъ.

Но кто ты?

Я вижу только мощь твою и то,
Что ты мнѣ открываешь міръ, гнетущій
Величіемъ мою земную мощь,
И все же не превысившій желаній
И думъ моихъ.

Люциферъ.

О, гордыя желанья,
Которыя такъ скромно раздѣляютъ
Юдолю червей!

Каинъ.

А ты, — ты раздѣляешь
Обители съ бессмертными, — ты развѣ
Не кажешься печальнымъ?

Люциферъ.

Я печалень.
Итакъ, скажи: ты хочешь быть бессмертнымъ?

Каинъ.

Ты говоришь, что я имъ *долженъ* быть.
Я этого не зналъ еще, но если
Должно такъ быть, то я хочу извѣдать
Безсмертіе заранѣ.

Люциферъ.

Ты извѣдалъ.

Каинъ.

Когда и какъ?

Люциферъ.

Страдая.

Каинъ.

Но страданья
Должны быть вѣчны?

Люциферъ.

Это мы узнаемъ,—
Мы и твои потомки. Но взгляни:
Какъ все полно величія!

Каинъ.

О, дивный,
Невыразимо дивный міръ! И вы,
Несмѣтныя, растушія безъ мѣры
Громады звѣздъ! Скажите: что такое

И сами вы, и эта голубая
Безбрежная воздушная пустыня,
Гдѣ кружитесь вы въ бѣшеномъ весельи,
Какъ листья вдоль прозрачныхъ рѣкъ Эдема?
Исчислены ль пути для васъ? Иль вы
Стремитесь въ даль, сжимающую душу
Своею безконечностью, свободно?
Творецъ! Творцы! Иль я не знаю — кто!
Какъ дивны вы и какъ прекрасны ваши
Созданія! Пусть я умру, какъ атомъ, —
Быть можетъ, умираетъ онъ! — иль ваше
Величіе постигну! Мысль моя
Достойна васъ, хоть прахъ и недостойнъ.
Духъ! Дай мнѣ умереть, иль покажи
Мнѣ ближе ихъ.

Люциферъ.

Ты развѣ къ нимъ не близокъ?
Взгляни на землю.

Каинъ.

Гдѣ она? Я вижу
Лишь сонмы звѣздъ.

Люциферъ.

Гляди сюда.

Каинъ.

Не вижу.

Люциферъ.

Но приглядиись: она еще мерцаетъ.

Каинъ.

Вонъ тамъ?

Люциферъ.

Да, тамъ.

Каинъ.

Возможно ли? Я видѣлъ
Ночной порой въ лугахъ и въ темныхъ рощахъ
Свѣтящихся мухъ: онѣ сверкали ярче,
Чѣмъ этотъ міръ, который ихъ питаетъ.

Люциферъ.

Ты видѣлъ и міры, и свѣтляковъ—
Тѣ и другіе искрятся—что жъ скажешь
Ты мнѣ о нихъ?

Каинъ.

Скажу, что и міры
И свѣтляки, по своему, прекрасны,
И что полетъ ночной ничтожной мушки,
И мощный бѣгъ безсмертнаго свѣтила
Равно руководимы...

Люциферъ.

Кѣмъ?

К а и н ъ.

Открой мнѣ.

Люциферъ.

И ты взглянуть дерзнулъ бы?

К а и н ъ.

Какъ мнѣ знать,
На что взглянуть дерзну я? Ты пока
Не показалъ мнѣ ничего такого,
Чтобъ не дерзнулъ я бѣльшаго увидѣть.

Люциферъ.

Къ чему тебя влекло всего сильнѣе?

К а и н ъ.

Къ тому, чего я никогда не вѣдалъ
И вѣдать бы не долженъ — къ тайнѣ смерти.

Люциферъ.

Я покажу отжившихъ и умершихъ,
Какъ показалъ безсмертныхъ.

К а и н ъ.

Покажи.

Люциферъ.

Тогда впередъ на нашихъ мощныхъ крыльяхъ!

Каинъ.

О, какъ мы разсѣкаемъ воздухъ! Звѣзды
Скрываются отъ нашихъ глазъ! Земля!
Гдѣ ты, земля? Дай мнѣ взглянуть на землю,
Я сынъ ея.

Люциферъ.

Земли уже не видно.

Предъ вѣчностью она гораздо меньше,
Чѣмъ ты предъ ней. Но ты съ землею связанъ
И скоро къ ней вернешься. Прахъ земной
Часть нашего безсмертія.

Каинъ.

Куда же

Лежить нашъ путь?

Люциферъ.

Къ тому, что только призракъ
Былыхъ міровъ, земля же ихъ обломокъ.

Каинъ.

Такъ міръ не новъ?

Люциферъ.

Не болѣе, чѣмъ жизнь.
А жизнь древнѣй, чѣмъ ты, чѣмъ я, и даже

Древнѣй того, что выше насъ съ тобою.
Есть многое, что никогда не будетъ
Имѣть конца; а то, что домогалось
Считаться неимѣющимъ начала,
Имѣетъ столь же низкое, какъ ты;
И многое великое погибло,
Чтобъ мѣсто дать ничтожному,—такому,
Что и помыслить трудно: ибо въ мірѣ
Лишь время и пространство неизмѣнны,
Хотя и перемѣны только праху
Приносятъ смерть. Ты — прахъ, ты не постигнешь
Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахомъ.

К а и н ъ.

Только прахомъ!

Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Л ю ц и ф е р ъ.

Тогда — впередъ!

К а и н ъ.

Какъ быстро меркнутъ звѣзды!

А вѣдь онѣ казались мнѣ мірами,
Когда мы приближались къ нимъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Онѣ

И есть міры.

Каинъ.

И есть на нихъ эдемы?

Люциферъ.

Быть можетъ, есть.

Каинъ.

И люди?

Люциферъ.

Есть и люди,
Иль существа, что выше ихъ.

Каинъ.

И зміи?

Люциферъ.

Разъ люди есть—какъ имъ не быть? И развѣ
Дышать должны ходячія лишь твари?

Каинъ.

Какъ быстро меркнутъ звѣзды вслѣдъ за нами!
Куда летимъ мы?

Люциферъ.

Къ міру привидѣній,
Существовъ, еще не жившихъ и отжившихъ.

К а и н ъ .

Но мракъ растеть—всѣ звѣзды ужъ исчезли.

Л ю ц и ф е р ъ .

Но ты, однако, видишь.

К а и н ъ .

Жуткій сумракъ!

Ни яркихъ звѣздъ, ни солнца, ни луны,
И все же въ этомъ сумракѣ я вижу
Какія то угрюмыя громады,
Но только не похожія на тѣ,
Которыя свѣтились въ пространствѣ
Своими ореолами и были,
Какъ мнѣ тогда казалось, полны жизни.
На тѣхъ, сквозь ихъ сіяніе, я видѣлъ
Глубокія долины, выси горъ
И водныя безбрежныя равнины;
Вкругъ тѣхъ сияли огненные кольца
И диски лунъ, напоминая землю;
А здѣсь все страшно, сумрачно!

Л ю ц и ф е р ъ .

Но ясно.

Ты ищешь смерть увидѣть и умершихъ?

К а и н ъ .

Разъ грѣхъ Адама предалъ всѣхъ насъ смерти,
То я хочу заранѣе увидѣть

То, что мы всѣ увидимъ поневолѣ
Когда-нибудь.

Люциферъ.

Смотри.

Каинъ.

Повсюду мракъ!

Люциферъ.

И *отъчнй* мракъ; но мы съ тобой раскроемъ
Врата его.

Каинъ.

Гигантскими клубами
Катится паръ —откуда онъ?

Люциферъ.

Войди.

Каинъ.

Вернусь ли я?

Люциферъ.

Не сомнѣвайся въ этомъ.
Вѣдь кто наполнить долженъ царство смерти?
Ты и твой родъ. Оно еще такъ пусто
Въ сравненъи съ тѣмъ, чѣмъ будетъ.

Каинъ.

Облака

Все шире разступаются передъ нами,
Кругами обвивая насъ.

Люциферъ.

Входи!

Каинъ.

А ты?

Люциферъ.

Входи. Ты безъ меня не могъ бы
Проникнуть въ царство призраковъ. Смѣлѣ!

Исчезаютъ въ облакахъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Царство смерти.

Люциферъ и Каинъ.

Каинъ.

Какъ молчаливъ, какъ необъятенъ этотъ
Угрюмый мѣръ! Онъ населенъ обильнѣй,

Чѣмъ даже тѣ горящія громады,
Которыя въ воздушныхъ безднахъ блещутъ
Въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что я
Сперва считалъ ихъ за какихъ-то свѣтлыхъ
Небесныхъ обитателей. Но какъ
Здѣсь сумрачно, какъ все напоминаетъ
Угасшій день!

Люциферъ.

Здѣсь царство смерти. Хочешь
Увидѣть смерть?

Каинъ.

Я не могу отвѣтить,
Не вѣдая, что значитъ смерть. Но если
Отецъ мой правъ... О, Боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклятъ тотъ, кто далъ
Мнѣ бытіе, ведущее лишь къ смерти!

Люциферъ.

Ты проклинаешь мать, отца?

Каинъ.

Но развѣ
Они меня не проклинали, дерзнувши
Вкусить отъ древа знанія?

Люциферъ.

Ты правъ:
Межъ вами обоюдное проклятье,
Но твой Энохъ, твой братъ?

К а и н ъ.

Они должны

Дѣлить мое проклятіе со мною,
Родителемъ и братомъ ихъ. Что принялъ
Въ наслѣдство самъ, то имъ и завѣщаю.
О, безконечный и угрюмый міръ
Скользящихъ тѣней, призраковъ-гигантовъ,
То явственныхъ, то смутныхъ, но всегда
Печальныхъ и величественныхъ,—что ты?
Жизнь или смерть?

Л ю ц и ф е р ъ.

И жизнь, и смерть.

К а и н ъ.

Но что же

Тогда есть смерть?

Л ю ц и ф е р ъ.

А развѣ не сказалъ вамъ
Создатель вашъ, что смерть—другая жизнь?

К а и н ъ.

Мы отъ него пока одно узнали—
Что мы умремъ.

Л ю ц и ф е р ъ.

Придетъ, быть можетъ, день,
Когда онъ вамъ раскроетъ тайну эту.

Каинъ.

Счастливыи день!

Люциферъ.

О, да! Вѣдь эта тайна
Откроется въ невыразимыхъ мукахъ,
Соединенныхъ съ вѣчной адской мукой,
Еще не народженнымъ, что родятся
Лишь для нея—для этой вѣчной муки.

Каинъ.

Какъ величавы тѣни, что витають
Вокругъ меня! Въ нихъ незамѣтно сходства
Ни съ духами, которыхъ видѣлъ я
На стражѣ заповѣдныхъ вратъ Эдема,
Ни съ смертными—съ моимъ отцомъ и братомъ,
Со мной самимъ, съ моей сестрой, съ женою,
А между тѣмъ, отличные отъ духовъ
И отъ людей своимъ непостижимымъ,
Невиданнымъ мной обликомъ, они,
Безплотнымъ уступая, превышають
Людей и красотою горделивой,
И мощью, и величьемъ. У нихъ
Нѣтъ крыльевъ, какъ у ангеловъ, нѣтъ лика,
Какъ у людей, нѣтъ мощныхъ формъ животныхъ,
Нѣтъ ничего подобнаго тому,
Что видѣлъ я; они въ себѣ вмѣщаютъ
Всю красоту прекраснѣйшихъ, сильнѣйшихъ
Земныхъ существъ, но такъ не схожи съ ними,
Что я не знаю—были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Когда-то были.

КАИНЪ.

Были? Гдѣ?

ЛЮЦИФЕРЪ

Гдѣ ты

Живешь.

КАИНЪ.

Когда?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Когда владѣли міромъ,
Который называешь ты землей.

КАИНЪ.

Но въ этомъ мірѣ первый—мой родитель.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Изъ васъ онъ, правда, первый, но изъ нихъ
Онъ даже не достоинъ быть послѣднимъ.

КАИНЪ.

А кто они?

Люциферъ.

Они есть то, чѣмъ будутъ
Всѣ смертные.

Каинъ.

А были чѣмъ?

Люциферъ.

Живыми,
Великими, разумными,—во всемъ
Настолько превышавшими Адама,
Насколько сынъ Адама превышаетъ
Своихъ потомковъ будущихъ.

Каинъ.

Увы!
И всѣ они погибли, всѣ исчезли
Съ лица земли?

Люциферъ.

Съ лица *своей* земли,
Какъ нѣкогда и ты съ своей исчезнешь.

Каинъ.

Но ты сказалъ, что прежде ихъ землю
Была моя?

Люциферъ.

Была.

К а и н ъ.

Но измѣнилась.
Моя земля для нихъ была бы слишкомъ
Ничтожна.

Л ю ц и ф е р ъ.

Да, она при нихъ была
Прекраснѣе.

К а и н ъ.

И почему такъ пала?

Л ю ц и ф е р ъ.

Спроси Его.

К а и н ъ.

Но какъ Онъ это сдѣлалъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Смѣшеніемъ стихій, преобразившихъ
Лицо земли. Но дальше, созерцай
Минувшее.

К а и н ъ.

Минувшее ужасно!

Л ю ц и ф е р ъ.

Но истинно. Смотри на эти тѣни:
Онѣ когда-то жили и дышали,
Какъ ты теперь.

Каинъ.

И нѣкогда я буду
Подобень имъ?

Люциферъ.

На это пусть отвѣтитъ
Создатель вашъ. Я показалъ, чѣмъ стали
Предшественники ваши. Созерцай ихъ,
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись къ землѣ, къ своимъ трудамъ: ты будешь
Перенесенъ на землю невредимо.

Каинъ.

Я здѣсь останусь.

Люциферъ.

Надолго?

Каинъ.

Навѣки.

Я все равно сюда вернуться долженъ,
Мнѣ тяжело жить на землѣ: такъ лучше
Остаться здѣсь.

Люциферъ.

Но это невозможно:
Миръ призраковъ — дѣйствительность, а ты
Теперь ихъ созерцаешь, какъ видѣнье.

Чтобъ раздѣлить обитель ихъ, ты долженъ
Войти сюда вратами смерти—такъ же,
Какъ и они.

Каинъ.

Какими же вратами
Входили мы?

Люциферъ.

Моими. Ты на землю
Вернуться долженъ; въ царствѣ бездыханныхъ
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться въ немъ, пока твой часъ не пробилъ.

Каинъ.

А вотъ они,—скажи, они не могутъ
На землю возвратиться?

Люциферъ.

Ихъ земля
Прошла навѣки: бурныя стихии
Лицо земли такъ рѣзко измѣнили,
Что на ея поверхности теперъ
Едва-ль найдется атомъ, имъ знакомый.
А это былъ прекрасный—о, какой
Прекрасный мѣръ!

Каинъ.

Онъ и теперъ прекрасенъ.
Я не съ землей, хотя на ней тружусь я,

Веду вражду, а съ тѣмъ, что я беру
Все, что она прекраснаго приноситъ,
Цѣной труда, что, жажда познанья,
Не въ силахъ этой жажды утолить,
Что на землѣ меня приводитъ въ трепеть
И жизнь и смерть.

Люциферъ.

Чѣмъ сталъ твой міръ, ты видишь,
Но чѣмъ онъ былъ—не можешь и постигнуть.

Каинъ.

А это кто? Вотъ эти исполины,
Которые, мнѣ кажется, похожи
На дикихъ обитателей дремучихъ
Земныхъ лѣсовъ, но только въ десять разъ
Громаднѣй и страшнѣе тѣхъ, громаднѣй,
Чѣмъ стѣны Рая,—эти привидѣнья,
Чьи очи пламенѣютъ, какъ мечи
Въ десницахъ херувимовъ, стерегущихъ
Эдемскій садъ, и чьи клыки торчатъ,
Какъ голая деревья?

Люциферъ.

Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Такихъ существъ лежатъ въ землѣ.

Каинъ.

И больше

Ужъ нѣтъ такихъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Нѣтъ; если бѣ вамъ пришлось
Вступить въ борьбу съ такими существами,
То вы могли бы сдѣлать бесполезнымъ
Проклятiе, висящее надъ вами:
Такъ скоро вы погибли бы.

КАИНЪ.

Но развѣ
Борьба необходима?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты забылъ
Завѣтъ того, кто васъ изгналъ изъ рая:
„Борьба со всѣмъ, что дышитъ, смерть всему,
И всѣмъ болѣзни, скорби и мученья“—
Плодъ древа запрещеннаго.

КАИНЪ.

Но звѣри—
Они вѣдь не касались древа знанья?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вашъ Богъ сказалъ, что создалъ ихъ для смертныхъ,
А смертныхъ—для создавшаго. Вы развѣ
Хотѣли бы, чтобъ участь ихъ была
Счастливейше, чѣмъ ваша? Грѣхъ Адама
Всѣхъ погубилъ.

К а и н ъ.

Несчастные! Имъ тоже,
Какъ и сынамъ Адама, суждено
Страдать за грѣхъ, не ими совершенный,
За райскій плодъ, который не далъ знанья,
А далъ лишь смерть. Онъ оказался лживымъ,
Мы ничего не знаемъ. Онъ сулилъ
Намъ знаніе—ужасною цѣною,
Но знаніе; а что же знаемъ мы?

Л ю ц и ф е р ъ.

Быть можетъ, смерть дастъ высшее познание:
Вѣдь только смерть для смертныхъ несомнѣнна
И, значить, къ несомнѣнному приводитъ.
Нѣтъ, ты неправъ,—запретный плодъ не лживъ,
Хотя и смертоносенъ.

К а и н ъ.

Непонятный,
Угрюмый міръ!

Л ю ц и ф е р ъ.

Твой часъ еще не пробилъ.
Матерія не можетъ въ совершенствѣ
Постигнуть духа. Все же ты узналъ,
Что есть міры такіе.

К а и н ъ.

Я и прежде
О смерти зналъ.

Люциферъ.

Но не о царствѣ смерти.

Каинъ.

Оно мнѣ непонятно.

Люциферъ.

Будетъ день,
Когда оно тебѣ понятнѣй станетъ.

Каинъ.

А это безграничное пространство
Текучей ослѣпительной лазури,
Которое сравнилъ бы я съ водой,
Съ рѣкою, проходящей изъ Эдема
Близъ нашего жилища, если бъ только
Не эта безграничность, безпредѣльность,
Не этотъ цвѣтъ небесный, — это что?

Люциферъ.

И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на землѣ,
И на его побережьяхъ поселятся
Твои потомки: призракъ океана.

Каинъ.

Оно горитъ, какъ солнце, — цѣлый міръ
Лазурныхъ водъ! Но въ этомъ яркомъ блескѣ

Я различилъ играющихъ чудовищъ:
Что это?

Люциферъ.

Призраки левіаѳановъ.

Каинъ.

А этотъ непомерно-длинный змѣй
Съ струящеюся гривой, что воздвигнулъ
Чудовищную голову изъ бездны
И въ десять разъ превысилъ высочайшій
Эдемскій кедръ,—вотъ этотъ змѣй, что могъ бы
Обвиться вокругъ небесныхъ тѣлъ,—похожъ ли
Онъ на того, что нѣжился когда-то
Подъ деревомъ въ Эдемѣ?

Люциферъ.

Евѣ лучше
Извѣстенъ змѣй, ее прельстившій.

Каинъ.

Этотъ
Ужасенъ слишкомъ. Вѣрно, искуситель
Красивѣй былъ.

Люциферъ.

А ты его не видѣлъ?

Каинъ.

Я гадовъ много видѣлъ, но того,
Что Евѣ далъ запретный плодъ, — ни разу.

Люциферъ.

И твой отецъ его не видѣлъ?

Каинъ.

Нѣтъ;

Вѣдь мой отецъ былъ соблазненъ не змиемъ:
Змій соблазнилъ лишь Еву.

Люциферъ.

О, невинность!

Когда тебя или сыновъ твоихъ
Смущаютъ жены чѣмъ-нибудь, что ново
И необычно, знай, что предъ тобой —
Самъ искуситель.

Каинъ.

Слишкомъ запоздали
Твои совѣты: змямъ больше нечѣмъ
Женъ искушать.

Люциферъ.

Но есть еще не мало
Такихъ вещей, которыми и жены
Своихъ мужей, и женъ мужа способны

Вводить въ соблазнъ: вамъ это надо помнить.
Я вамъ добра желаю, предлагая
Подобные совѣты, — я даю ихъ
Въ ущербъ себѣ... Хоть правда, что не будутъ
Имъ слѣдовать.

Каинъ.

Мнѣ это непонятно.

Люциферъ.

И къ лучшему! Твой міръ и ты такъ юны!
Ты мнишь себя преступнымъ и несчастнымъ —
Не правда ли?

Каинъ.

Преступнымъ — нѣтъ, но скорби
Я испыталъ не мало.

Люциферъ.

Первородный
Сынъ перваго изъ смертныхъ! Твой удѣлъ —
Жить во грѣхѣхъ и скорби, но Эдемомъ
Покажутся тебѣ твои несчастья
Въ сравненіи съ тѣмъ, что ты узнаешь вскорѣ,
А то, что *ты* узнаешь, будетъ раемъ
Въ сравненіи съ тѣмъ, что испытать должны
Твои сыны. — Но намъ пора на землю.

Каинъ.

Ужели ты привелъ меня сюда
Лишь для того, чтобъ показать мнѣ это?

Люциферъ.

Не ты ли жаждаль знанія?

Каинъ.

О, да,

Но лишь затѣмъ, чтобъ знаніе служило
Дорогой къ счастью.

Люциферъ.

Если счастье въ знаньи,
То ты ужъ счастливъ.

Каинъ.

Правъ же былъ Творецъ,
Велѣвшій не касаться древа знанья!

Люциферъ.

А если бы губительнаго древа
Не насаждалъ, еще бы лучше сдѣлалъ.
Однако, и невѣдѣніе зла
Отъ зла не ограждаетъ. Зло всеильно.

Каинъ.

Я этому не вѣрю, нѣтъ! Я жажду
Душой добра!

Люциферъ.

А кто его не жаждетъ?
Кто *любитъ* зло? Никто, ничто.

Каинъ.

Но въ эти
Несмѣтные и дивные міры,
Которые мы видѣли съ тобою,
Пока не погрузились въ царство смерти,
Не увидеть зло: такъ всѣ они прекрасны!

Люциферъ.

Ты видѣлъ ихъ лишь издали.

Каинъ.

Но даль
Могла лишь уменьшать ихъ красоту:
Вблизи ихъ красота неизреченна.

Люциферъ.

Но подойди къ прекраснѣйшему въ мірѣ
И приглядишься къ нему.

Каинъ.

Я это дѣлалъ:
Вблизи оно еще прелестнѣй.

Люциферъ.

Нѣтъ,

Тутъ есть обманъ. Скажи, о комъ ты думалъ?

Каинъ.

Я думалъ о сестрѣ моей. Всѣ звѣзды,
Вся красота ночныхъ небесъ, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блескъ разсвѣта,
Вся дивная плѣнительность заката,
Когда, слѣдя за уходящимъ солнцемъ,
Я проливаю сладостныя слезы
И, мнится, вмѣстѣ съ солнцемъ утопаю
Въ раю вечернихъ легкихъ облаковъ,
И сѣнь лѣсовъ, и зелень ихъ, и голосъ
Вечернихъ птицъ, поющій про любовь,
Сливающійся съ гимномъ херувимовъ,
Межъ тѣмъ, какъ тьма ужъ рѣетъ надъ Эдемомъ,
Все, все — ничто предъ красотою Ады:
Чтобъ созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои отъ неба и земли.

Люциферъ.

Но если ты владѣешь существомъ
Столь дивной красоты, то почему
Несчастенъ ты?

Каинъ.

Зачѣмъ я существую?

И почему несчастенъ ты, и все,

Что существуетъ въ мірѣ, все несчастно?
Вѣдь даже тотъ, кто создалъ всѣхъ несчастныхъ,
Не можетъ быть счастливымъ: созидать,
Чтобъ разрушать — печальный трудъ! Родитель
Намъ говоритъ: Онъ всемогущъ, — зачѣмъ же
Есть въ мірѣ зло? Объ этомъ много разъ
Я спрашивалъ отца, и онъ отвѣтилъ,
Что это зло — лишь путь къ добру. Ужасный
И странный путь! Я видѣлъ, какъ ягненка
Ужалилъ гадъ: онъ извивался въ мукахъ,
А подлѣ matka жалобно блеяла;
Тогда отецъ нарвалъ и положилъ
Какихъ-то травъ на рану, и ягненокъ,
До этого безпомощный и жалкій,
Сталъ возвращаться къ жизни понемногу
И скоро ужъ безопасно припадалъ
Къ сосцамъ своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.
Смотри, мой сынъ, сказалъ Адамъ, какъ зло
Родить добро.

Люциферъ.

Что жъ ты ему отвѣтилъ?

Каинъ.

Я промолчалъ, — вѣдь онъ отецъ мой, — только
Тогда жъ подумалъ: лучше бы ягненку
Совсѣмъ не быть ужаленнымъ змѣею,
Чѣмъ возвратиться къ жизни въ тяжкихъ мукахъ
Посредствомъ травъ.

Люциферъ.

Но ты сказалъ, что ты
Изъ всѣхъ существъ, тобой любимыхъ, любишь
Всего сильнѣе ту, что воспиталась
Съ тобой одною грудью и питаетъ
Своей — твоихъ малютокъ.

Каинъ.

Да, сказалъ:
Чѣмъ былъ бы я безъ Ады?

Люциферъ.

Тѣмъ, чѣмъ я.

Каинъ.

Ты чуждъ любви.

Люциферъ.

А онъ, твой Богъ, что любить?

Каинъ.

Все сущее, какъ говоритъ отецъ;
Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люциферъ.

Поэтому не можешь и судить,
Чужда ли мнѣ любовь, иль нѣтъ. Есть нѣчто

Великое и общее, въ которомъ
Все частное, какъ снѣгъ предъ солнцемъ, таетъ.

Каинъ.

Какъ снѣгъ — что это значить?

Люциферъ.

Будь доволенъ
Невѣдѣньемъ того, что испытаютъ
Сыны сыновъ твоихъ, и наслаждайся
Тепломъ небесъ, не знающихъ зимы.

Каинъ.

Но ты любилъ существъ, тебѣ подобныхъ?

Люциферъ.

А ты — ты любишь самого себя?

Каинъ.

Да, но не такъ, какъ ты, что украшаетъ
Мнѣ жизнь мою, что мнѣ дороже жизни,
Затѣмъ, что я люблю ее.

Люциферъ.

Ты любишь,
Плѣняясь красотой ея, какъ Ева
Плѣнилась райскимъ яблокомъ когда-то;

Но красота поблекнетъ — и любовь
Угаснетъ, какъ и всякое желанье.

К а и н ъ.

Но отчего жъ поблекнетъ красота?

Л ю ц и ф е р ъ.

Отъ времени.

К а и н ъ.

Но дни идутъ, проходятъ,
А Ева и Адамъ еще прекрасны,
Не такъ, какъ серафимы, какъ сестра,
Но все жъ прекрасны.

Л ю ц и ф е р ъ.

Время беспощадно
Измѣнитъ ихъ.

К а и н ъ.

Мнѣ это очень больно;
Но все жъ я не могу себѣ представить,
Что разлюблю когда-нибудь сестру,
И если красота ея поблекнетъ,
То, думаю, создатель красоты,
При гибели прекраснаго созданья,
Утратить долженъ болѣе, чѣмъ я.

Л ю ц и ф е р ъ.

Мнѣ жаль тебя: ты любишь то, что гибнетъ.

К а и н ъ.

Какъ мнѣ тебя: ты ничего не любишь.

Л ю ц и ф е р ъ.

А братъ — ты любишь брата?

К а и н ъ.

Да, люблю.

Л ю ц и ф е р ъ.

Его твой Богъ и твой отецъ такъ любятъ!

К а и н ъ.

И я люблю.

Л ю ц и ф е р ъ.

Похвально и смиренно!

К а и н ъ.

Смиренно?

Л ю ц и ф е р ъ.

Да, вѣдь онъ не первородный,
И съ дѣтства былъ любимцемъ Евы.

К а и н ъ.

Что жъ,
Змій первымъ былъ любимцемъ, онъ — вторымъ.

Люциферъ.

Онъ и отца любимецъ.

Каинъ.

И объ этомъ
Я не скорблю. Какъ будто я не долженъ
Любить того, кого отецъ мой любитъ!

Люциферъ.

Но и Иегова, кроткій вашъ владыка,
Всещедрый насадитель райскихъ кущъ,
На Авеля съ улыбкою взираеть.

Каинъ.

Я не видалъ Иеговы и не знаю,
Пристойно ли Иеговъ улыбаться.

Люциферъ.

Такъ ангеловъ Иеговы видишь.

Каинъ.

Рѣдко.

Люциферъ.

И все-таки ты долженъ былъ замѣтить,
Что Авель имъ угоденъ: отъ *нею*

Всѣ жертвы воспріемлются.

К а и н ъ.

И пусть!

Зачѣмъ ты говоришь со мной объ этомъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Затѣмъ, что ты объ этомъ много думалъ.

К а и н ъ.

А если бы и думалъ, — для чего
Будить во мнѣ...

Въ волненіи останавливается.

Духъ! Мы съ тобою — въ мірѣ,
Далекомъ отъ земли; не говори же
Мнѣ о землѣ. Ты показалъ мнѣ много
Чудеснаго; ты показалъ мнѣ мощныхъ
Предшественниковъ нашихъ, попиравшихъ
Ту землю, отъ которой уцѣлѣлъ
Одинъ обломокъ; ты мнѣ показалъ
Тьмы темъ міровъ, среди которыхъ тускло
Мерцаетъ нашъ ничтожный міръ, теряясь
Въ воздушной безконечности, ты тѣни
Въ зловѣщемъ царствѣ смерти показалъ мнѣ;
Ты много показалъ мнѣ — но не все:
Дай мнѣ узрѣть обители Іеговы,
Или свою обитель: гдѣ онѣ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Здѣсь и вездѣ — въ пространствѣ безконечномъ.

КАИНЪ.

Но есть же у тебя и у Иеговы
Какой-нибудь пріютъ опредѣленный?
Онъ есть у всѣхъ. Землей владѣютъ люди,
Въ другихъ мірахъ свое есть население,
У всѣхъ живыхъ созданій есть своя
Особая стихія; ты сказалъ мнѣ,
Что даже бездыханнымъ есть обитель,
Такъ значитъ, есть и Богу, и тебѣ.
Вы вмѣстѣ обитаете?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Мы вмѣстѣ
Лишь царствуемъ; но обитаемъ порознь.

КАИНЪ.

О, если бъ былъ одинъ изъ васъ! Быть можетъ,
Единство цѣли создало бъ согласие
Стихій, теперь враждующихъ! И что
Васъ привело къ такой враждѣ, — васъ, мудрыхъ
И безконечныхъ? Развѣ вы не братья
По сущности, по естеству и славѣ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

А вы — вы братья съ Авелемъ?

К а и н ъ.

Мы братья,
И братьями останемся. Но если бѣ
И не были мы братьями: духъ развѣ
Подобенъ намъ? Какъ можетъ враждовать
Безсмертный съ безконечнымъ, превращая
Весь міръ въ обитель скорби? И за что?

Л ю ц и ф е р ъ.

За власть.

К а и н ъ.

За власть? Но ты мнѣ говорилъ
Что оба вы безсмертны,

Л ю ц и ф е р ъ.

Да, безсмертны.

К а и н ъ.

А голубая бездна безднѣ пространства
Не безконечна развѣ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Безконечна.

К а и н ъ.

Такъ царствуйте въ ней оба, не враждуя.
Иль тѣсно вамъ?

Люциферъ.

Мы царствуемъ въ ней *оба*.

Каинъ.

Но зло творить — одинъ изъ васъ.

Люциферъ.

Который?

Каинъ.

Ты! Развѣ ты не можешь на землѣ
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Люциферъ.

Пусть онъ творить. Вы не мои созданья,
Онъ создалъ васъ.

Каинъ.

Такъ предоставь отцу
Его дѣтей, имъ созданныхъ. Открой мнѣ
Свою или *его* обитель.

Люциферъ.

Я могу

Открыть тебѣ ихъ обѣ. Но настанетъ
Великій часъ, когда одна изъ нихъ
Откроется *на вѣки* предъ тобою.

К а и н ъ.

Но не теперь?

Л ю ц и ф е р ъ.

Твой смертный умъ не въ силахъ
Постигнуть даже малаго — того,
Что видѣлъ ты. И ты стремишься къ Тайнѣ!
Къ великой ипостаси Двухъ Началь!
Къ ихъ сокровеннымъ тронамъ! Прахъ! Ты дерзокъ.
Но зрѣть хотя одно изъ нихъ — есть смерть.

К а и н ъ.

Пусть я умру — но только бы узрѣть ихъ!

Л ю ц и ф е р ъ.

Рѣчь сына той, что обольстилась змиемъ!
Но эта смерть — бесплодной смертью будетъ.

К а и н ъ.

Но развѣ смерть ихъ не откроетъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Смерть —

Преддверіе.

К а и н ъ.

Такъ, значить, смерть приводитъ
Къ чему-нибудь разумному! Теперь
Я менѣ боюсь ея.

Люциферъ.

И, значить,
Тебѣ пора на землю возвратиться,
Гдѣ долженъ ты умножить родъ Адама,
Ѣсть, пить, любить, дрожать за жизнь, работать,
Смѣяться, плакать, спать — и умереть.

Каинъ.

Но если такъ, скажи, съ какою цѣлью
Блуждали мы?

Люциферъ.

Но ты стремился къ знанью;
А все, что я открылъ тебѣ, вѣщаетъ:
Познай себя.

Каинъ.

Увы! Я познаю,
Что я — ничто.

Люциферъ.

И это непреложный
Итогъ людскихъ познаній. Завѣщай
Свой опытъ дѣтямъ, — это ихъ избавить
Отъ многихъ мукъ.

Каинъ.

Высокомѣрный духъ!
Ты властенъ, да; но есть и надъ тобою
Владыка.

Люциферъ.

Нѣтъ! Клянуся небомъ, гдѣ
Лишь онъ царить! Клянуся бездной, сонмомъ
Міровъ и жизней, намъ подвластныхъ, — нѣтъ!
Онъ побѣдитель мой — но не владыка,
Весь міръ предъ нимъ трепещетъ, — но не я:
Я съ нимъ въ борьбѣ, какъ былъ въ борьбѣ и прежде,
На небесахъ. И не устану вѣчно
Бороться съ нимъ, и на вѣсахъ борьбы
За міромъ міръ, свѣтило за свѣтиломъ,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нещадная борьба,
Доколѣ не погибнетъ Адонай,
Иль врагъ его! Но развѣ это будетъ?
Какъ угасить безсмертіе и нашу
Неугасимую взаимную вражду?
Онъ побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ имъ,
Тотъ названъ зломъ; но благъ ли побѣдившій?
Когда бы мнѣ досталася побѣда,
Зломъ былъ бы онъ. Вотъ васъ, еще недавно
Пришедшихъ въ міръ, еще столь юныхъ смертныхъ,
Какими одарилъ онъ васъ дарами?

Кайнъ.

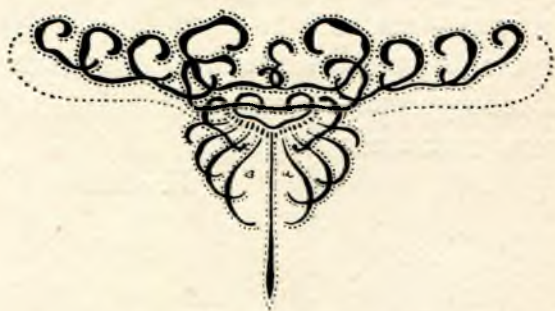
Немногими — и горькими.

Люциферъ.

Вернись же
Къ своей землѣ, вкуси и остальныхъ

Его небесныхъ милостей. Даятель
Добра и зла не создалъ ихъ такими,
Добро и зло суть сами по себѣ.
Но, если онъ даетъ добро, — зовите
Его благимъ; а если отъ него
Исходитъ зло, то изыщите вѣрный
Источникъ зла, — не говорите: это
Свершилъ злой духъ. Одинъ лишь добрый даръ
Дало вамъ древо знанія — вашъ разумъ:
Такъ пусть онъ не трепещетъ грозныхъ словъ
Тирана, принуждающаго вѣрить,
Наперекоръ и чувству и разсудку.
Терпи и мысли — созидай въ себѣ
Миръ внутренній, чтобъ внѣшняго не видѣть:
Сломи въ себѣ земное естество
И приобщись духовному началу!

Исчезаютъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ Эдема.

Каинъ и Ада.

Ада.

Иди тихонько, Каинъ.

Каинъ.

Хорошо;

Но почему?

Ада.

Вонъ тамъ подъ кипарисомъ
Спитъ на листьѣ нашъ мальчикъ.

Каинъ.

Кипарись!

Угрюмый онъ, зачѣмъ ты положила
Подъ нимъ дитя? Онъ смотритъ такъ, какъ будто
Оплакиваетъ то, что осѣняетъ.

А да.

Но онъ вѣтвистъ, подъ нимъ темно, какъ ночью.
Онъ точно созданъ, чтобы охранять
Отъ зноя спящихъ.

К а и н ъ.

Спящихъ сномъ послѣднимъ
И вѣчнымъ. Но веди меня къ Эноху.
Подходятъ къ ребенку.

Какъ онъ красивъ! Какъ разгорѣлись щечки!
Румянецъ ихъ не уступаетъ розамъ,
Разсыпаннымъ подъ нимъ.

А да.

А посмотри,
Какъ хорошо полуоткрылъ онъ губки!
Нѣтъ, не цѣлуй; онъ скоро самъ проснется,
Онъ выспался, но жаль будить!

К а и н ъ.

Да, правда.

Я удержусь пока отъ искушенья.
Онъ спитъ и улыбается! Спи мирно
И улыбайся, маленькій наслѣдникъ
Земли такой же юной, какъ ты самъ!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывалъ запретнаго плода,

Не знаешь наготы своей. Настанетъ
И для тебя часъ кары за какой-то
Тяжелый грѣхъ, котораго ни ты,
Ни я не совершали; но покуда
Спи безмятежно! Щечки раскраснѣлись,
Изъ-подъ рѣсницъ трепещущихъ и темныхъ,
Какъ кипарисъ, колеблемый надъ нимъ,
Просвѣчиваетъ ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спитъ и грезить —
О чемъ? О Раѣ! — Грезь о немъ, мечтай,
Мой мальчикъ обездоленный! Онъ — греза:
Ужъ никогда и никому изъ смертныхъ
Не быть въ его обители блаженной!

А д а .

Не сѣтуй, милый Каинъ, не тоскуй
О прошломъ надъ малюткою! Что пользы
Весь вѣкъ Эдемъ оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

К а и н ъ .

Г д ѣ ?

А д а .

Гдѣ хочешь:
Разъ ты со мной — я счастлива безъ Рая.
Иль у меня нѣтъ мужа, нѣтъ малютокъ,
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многимъ
Обязаны — помимо жизни?

К а и н ъ.

Смертью

Мы тоже ей обязаны.

А д а.

О, Каинъ!

Тотъ гордый духъ, съ которымъ ты ходилъ,
Тебя еще сильнѣе опечалилъ.
Я думала, что дивныя видѣнья,
Которыя тебѣ онъ обѣщалъ,
Тьмы темъ міровъ отжившихъ и живущихъ,
Которые ты видѣлъ, успокоятъ,
Насытятъ умъ твой знаніемъ; но вижу,
Что духъ принесъ одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Такъ скоро къ намъ.

К а и н ъ.

Такъ скоро?

А д а.

Да, прошло

Лишь два часа съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,
Лишь два часа — по солнцу.

К а и н ъ.

Я вблизи

Смотрѣлъ на это солнце, созерцалъ

Міры, что озарялись имъ когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И тѣ міры, что солнечнаго свѣта
Не вѣдали отъ вѣка: мнѣ казалось,
Что протекли года.

А да.

Едва часы.

К а и н ъ.

Такъ, значитъ, духъ нашъ время измѣряетъ
Тѣмъ, что онъ видитъ: радость или скорбь,
Величье иль ничтожество; я видѣлъ
Дѣянiя Безсмертныхъ, созерцалъ
Угасшія свѣтила и, взирая
На вѣчное, участвовалъ, казалось,
И самъ въ его величiи: теперь
Я снова — прахъ, и снова понимаю,
Что я — ничто: духъ истину сказалъ мнѣ.

А да.

Нѣтъ, духъ сказалъ неправду. Самъ Іегова
Не говорилъ намъ этого.

К а и н ъ.

Но создалъ
Ничтожествомъ; онъ поманилъ насъ Раемъ,
Безсмертіемъ, но сотворилъ изъ праха
И въ прахъ вернетъ — скажи, за что?

А да.

Ты знаешь,

За грѣхъ отца.

Каинъ.

А мы — въ чемъ *мы* виновны?
Онъ согрѣшилъ, пусть *онъ* и умираетъ.

А да.

Нехорошо сказалъ ты; это мысли
Того, кто былъ съ тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отецъ и мать.

Каинъ.

Да, — если бъ можно было
Насытить этой жертвой Ненасытность,
И если бъ этотъ мирно спящій крошка
И тѣ, что отъ него произойдутъ,
Не испытали смерти и страданій.

А да.

Какъ знать, не будетъ ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасенъ весь родъ Адама?

Каинъ.

Искупленье!

Но въ чемъ мы виноваты? Почему

Я долженъ пасть за грѣхъ, не мной свершенный,
Иль отъ другого жертвы ждать за этотъ
Таинственный и безыменный грѣхъ,
Весь состоявшій только въ жаждѣ знанья?

А д а.

Увы! Ты говоришь, что ты не грѣшенъ,
А самъ грѣшишь: твои слова — кощунство.

К а и н ъ.

Тогда, оставь меня.

А д а.

О, никогда,
Хотя бы самъ Творецъ тебя оставилъ!

К а и н ъ.

А это что такое?

А д а.

Алтари,
Воздвигнутые Авелемъ. Онъ хочетъ
Свершить съ тобою жертву.

К а и н ъ.

Алтари!

А кто ему сказалъ, что я согласенъ
Дѣлать его корыстныя молитвы,

Въ которыхъ вовсе нѣтъ благоговѣнья,
А есть лишь страхъ? Мнѣ алтаря не нужно,
Мнѣ нечего сжигать на немъ.

А да.

Но Богу
Всякъ даръ угоденъ, если этотъ даръ
Приносится съ душевнымъ сокрушеньемъ
И кротостью: сожги цвѣты, плоды.

Каинъ.

Я сѣялъ, рылъ, я былъ въ поту, согласно
Проклятію; но что еще мнѣ дѣлать?
Смираннымъ быть — среди борьбы съ стихіей
За мой насущный хлѣбъ? Быть благодарнымъ
За то, что я во прахъ пресмыкаюсь,
Зане я прахъ и возвращусь во прахъ?
Что я? Ничто. И я за это долженъ
Ханжею быть и дѣлать видъ, что очень
Доволенъ мукой? Каяться - но въ чемъ?
Въ грѣхъ отца? Но этотъ грѣхъ давно ужъ
Искупленъ тѣмъ, что претерпѣли мы,
И выше всякой мѣры искупится
Вѣками мукъ, предсказанныхъ въ проклятіи.
Онъ сладко спитъ, мой мальчикъ, и не знаетъ,
Что въ немъ *одномъ* — зачатки вѣчной скорби
Для *миriadъ* сыновъ его! О, лучше бъ
Схватить его и раздробить о камни,
Чѣмъ дать ему...

А да.

Мой Богъ! Не тронь дитя —
Мое дитя! *Твое* дитя! О, Каинъ!

Каинъ.

Не бойся! За небесныя свѣтила,
За власть надъ ними, я не потревожу
Ничѣмъ малютку, кромѣ поцѣлуя.

А да.

Но рѣчь твоя ужасна!

Каинъ.

Я сказалъ,
Что лучше умереть, чѣмъ жить въ мученьяхъ
И завѣщать ихъ дѣтямъ! Если жъ это
Тебя пугаетъ, скажемъ мягче: лучше бъ
Ему совсѣмъ на свѣтъ не появляться.

А да.

О, нѣтъ, не говори такъ! А блаженство
Быть матерью — кормить, любить, лелѣять?
Но, чу! Онъ просыпается. Мой милый!

Подходитъ къ ребенку.

О, посмотри, какъ полонъ жизни онъ,
Силь, красоты, здоровья! Какъ похожъ
Онъ на меня — и на тебя, но только,
Когда ты кротокъ: мы, вѣдь, всѣ тогда

Похожи другъ на друга; правда, Каинъ?
Люби же насъ — и самого себя,
Хоть ради насъ, — ты намъ обоимъ дорогъ!
Смотри, онъ засмѣялся, протянуль
Къ тебѣ ручки, смотреть яснымъ взоромъ
Въ твои глаза... Не говори о мукахъ!
Тебѣ могли бы сами херувимы
Завидовать, — они дѣтей не знаютъ.
Благослови его!

Каинъ.

Благословляю
Тебя, малютка, если только можетъ
Благословенье смертнаго отринуть
Проклятiе, завѣщанное змiемъ.

Ада.

Аминь. Благословенiе отца
Сильнѣе пресмыкающейся твари.

Каинъ.

Я не увѣренъ въ этомъ. Но да будетъ
Надъ нимъ благословенiе!

Ада.

Нашъ братъ
Идетъ сюда.

Каинъ.

Твой братъ.

Авель, *входя*.

Братъ Каинъ, здравствуй!
Господній миръ съ тобою!

Каинъ.

Авель, здравствуй.

Авель.

Сестра мнѣ говорила, что съ тобою
Бесѣдовалъ какой-то духъ. Онъ ангелъ?

Каинъ.

Нѣтъ.

Авель.

Такъ зачѣмъ общаться съ нимъ? Быть можетъ,
Онъ врагъ Творца.

Каинъ.

И другъ людей. А былъ ли
Такимъ Творецъ, какъ ты назвалъ его?

Авель.

Назвалъ его! Ты, Каинъ, нынче странный.
Иди, сестра, — мы совершимъ сожженье.

Ада.

Прости на время, Каинъ! Поцѣлуй
Малютку-сына, — пусть его невинность

И Авеля молитвы возвратятъ
Тебѣ и миръ и вѣру!

Уходитъ съ ребенкомъ.

Авель.

Гдѣ ты былъ?

Каинъ.

Не знаю.

Авель.

Какъ? Но, можетъ быть, ты знаешь,
Что ты видѣлъ?

Каинъ.

Безсмертіе и смерть,
Безмѣрность и величіе пространства,
Тьму темъ міровъ, отжившихъ и живущихъ,
Вихрь столькихъ ослѣпляющихъ міровъ,
Солнцъ, лунъ и звѣздъ, въ ихъ громозвучныхъ сферахъ,
Что я къ бесѣдѣ съ смертнымъ неспособенъ:
Оставь меня.

Авель.

Твое лицо пылаетъ,
Твои глаза сверкаютъ страннымъ блескомъ,
Твои слова звучатъ необычайно.
Скажи, что это значить?

Каинъ.

Это значить...

Прошу тебя, оставь меня!

А вель.

Не прежде,
Чѣмъ мы съ тобой помолимся Творцу
И совершимъ предъ нимъ сожженье.

Каинъ.

А вель,

Прошу тебя — сверши его одинъ.
Тебя Іегова любитъ.

А вель.

Я надѣюсь,
Обоихъ насъ.

Каинъ.

Но болѣе тебя.
Я не смущаюсь этимъ: ты достойный
Слуга Творца, — такъ и служи ему,
Но безъ меня.

А вель.

Я былъ бы нечестивый
Сынъ нашего великаго отца,
Когда бъ не почиталъ тебя, какъ младшій
И не просилъ тебя предъ алтаремъ
Главенствовать, какъ старшаго.

Каинъ.

Но я
Главенства никогда не домогался.

А в е л ь .

Тѣмъ мнѣ грустнѣй. Не откажи хоть нынче
Принять его: твоя душа томится ,
Подъ гнетомъ навожденія; молитва
Тебя бы успокоила.

К а и н ь .

Нѣтъ, Авель.
Ничто не дастъ душѣ моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не зналъ его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтобъ не мѣшать тебѣ
Идти къ своей благочестивой цѣли.

А в е л ь .

Нѣтъ, мы должны идти къ ней неразлучно.
Молю тебя объ этомъ!

К а и н ь .

Я согласенъ.
Что нужно дѣлать?

А в е л ь .

Выбери одинъ
Изъ алтарей.

К а и н ь .

Но я доволенъ буду
Любымъ изъ нихъ: я вижу въ нихъ лишь камень
Да свѣжій дернъ.

А вель.

И все же нужно выбрать.

К а и н ъ.

Я выбралъ.

А в е л ь.

Этотъ? Онъ и подобаесть
Тебѣ, какъ первородному: онъ выше.
Теперь готовъ дары для всесожженья.

К а и н ъ.

А гдѣ твои?

А в е л ь.

Вотъ первенцы отъ стадъ:
Смиренная пастушеская жертва.

К а и н ъ.

Я не имѣю стадъ, я земледѣлецъ,
И возложу на жертвенникъ плоды —
То, чѣмъ земля мой трудъ вознаграждаетъ.
Разводятъ на алтаряхъ огонь.

А в е л ь.

Ты, братъ, какъ старшій, долженъ принести
Хвалу Творцу и всесожженье первый.

Каинъ.

Нѣтъ, ты начни, — я въ этомъ неискусенъ;
Я буду подражать тебѣ.

Авель, *преклоня колѣни.*

О, Боже!

Ты, кто вдохнулъ въ насъ дуновение жизни,
Кто создалъ насъ, благословилъ и не далъ
Погибнуть чадамъ грѣшнаго отца,
Которыя погибли бы навѣки,
Когда бы правосудіе твое
Не умѣрялось благостью твоею
Къ великимъ ихъ неправдамъ! Боже вѣчный,
Даятель жизни, свѣта и добра,
Единый вождь, ведущій все ко благу
Своею всемогущей, сокровенной,
Но непреложной благостью! Прими
Отъ перваго изъ пастырей смиренныхъ
Сихъ первенцевъ отъ первородныхъ стадъ,
Даръ недостойный Господа, ничтожный,
Какъ все предъ нимъ ничтожно, но несомый,
Какъ дань благодаренія того,
Кто предъ лицомъ твоихъ небесъ пресвѣтлыхъ
Слагая жертву эту, повергаетъ
Свой ликъ во прахъ, отъ коего онъ созданъ,
И воздаетъ хвалу тебѣ — вѣвѣки!

Каинъ, *не преклоня колѣнъ.*

Духъ, для меня невѣдомый! Всесильный
И всеблагой — для тѣхъ, кто забываетъ

Зло дѣлъ твоихъ! Іегова на землѣ!
Богъ въ небесахъ,— быть можетъ, и другое
Носящій имя,— ибо безконечны
Твои дѣла и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать тебя,— прими ихъ!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчать твой духъ: два существа повергли
Ихъ предъ тобою. Если кровь ты любишь,
То вотъ алтарь дымящійся, облитый,
Тебѣ въ угоду, кровью жертвъ, что тлѣютъ
Въ кровавомъ фиміамѣ предъ тобою.
А если и цвѣтущіе плоды,
Взлелѣянные солнцемъ лучезарнымъ,
И мой алтарь безкровный удостоишь
Ты милостью своею, то воззри
И на него. Тотъ, кто его украсилъ,
Есть только то, что сотворилъ ты самъ,
И ничего не ищетъ, что дается
Цѣной молитвы. Если дурень онъ,
Рази его,—вѣдь, ты могучъ и властенъ
Надъ беззащитнымъ! Если же онъ добръ,
То пощади — иль порази,— какъ хочешь,
Затѣмъ, что все въ твоихъ рукахъ: ты даже
Зло именуешь благомъ, благо — зломъ,
И правъ ли ты — кто знаетъ? Я не призванъ
Судить о всемогуществѣ: вѣдь, я
Не всемогущъ,— я рабъ твоихъ велѣній!

*Огонь на жертвенникъ Авеля разрастается въ столпъ
ослпительнаго пламени и поднимается къ небу; въ то
же время вихрь опрокидываетъ жертвенникъ Каина и да-
леко раскидываетъ по земль плоды.*

Авель, *кольнопреклоненный*.

О, братъ, молись! Ты прогнѣвилъ Іегову:
Онъ по землѣ твои плоды разсѣялъ.

Каинъ.

Земля дала, пусть и возьметъ земля,
Чтобъ возродить ихъ сѣмя къ новой жизни.
Ты угодилъ кровавой жертвой больше:
Смотри, какъ небо жадно поглощаетъ
Огонь и дымъ, насыщенные кровью.

Авель.

Не думай обо мнѣ; пока не поздно,
Готовь другую жертву для сожженья.

Каинъ.

Я больше жертвъ не буду приносить
И не стерплю...

Авель, *вставая съ колѣнь*.

Братъ! Что ты хочешь дѣлать?

Каинъ.

Низвергнуть въ прахъ угодника небесъ,
Участника въ твоихъ молитвахъ низкихъ —
Твой жертвенникъ, залитый кровью агнцевъ,
Вскормленныхъ и вспоенныхъ для закланья.

Авель, *удерживая Каина.*

Не прибавляй безбожныхъ дѣлъ къ безбожнымъ
Словамъ. Не тронь алтарь: онъ освященъ
Божественной отрадою Іеговы,
Его благоволеніемъ.

Каинъ.

Его!

Его отрадой! Такъ его отрада —
Чадъ алтарей, дымящихся отъ крови,
Страданія блеющихъ матокъ, муки
Ихъ дѣтищъ, умиравшихъ подъ твоимъ
Ножемъ благочестивымъ! Прочь съ дороги!

Авель.

Братъ, отступись! Ты имъ не завладѣешь
Насильственно; но если ты намѣренъ
Для новой жертвы взять его — возьми.

Каинъ.

Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой будетъ...

Авель.

Что ты сказалъ?

Каинъ.

Пусти! Пусти меня!
Твой Богъ до крови жаденъ, — берегись же:
Пусти меня, не то она прольется!

А вель.

А я во имя Бога становлюсь
Межъ алтаремъ священнымъ и тобою:
Онъ Господу угоденъ.

Каинъ.

Если жизнью
Ты дорожишь, — уйди и не мѣшай мнѣ.
Иначе я...

А вель.

Богъ мнѣ дороже жизни.

Каинъ, *поражая Авеля въ високъ юловней, которую схватилъ съ жертвенника.*

Такъ пусть она и будетъ жертвой Богу!
Онъ любить кровь.

А вель, *падая.*

Братъ! Что ты сдѣлалъ!

Каинъ.

Братъ!

А вель.

О, Боже силь! Прими мой духъ смиренный
И отпусти убійцѣ: онъ не вѣдалъ,

Что дѣлаешь. Братъ Каинъ, дай мнѣ руку—
Дай руку мнѣ... скажи несчастной Селлѣ...

Каинъ, послѣ минутнаго оцѣпѣненія.

Дать руку?.. Руку?.. Въ чемъ моя рука?
Медленно озирается послѣ долгаго молчанія.

Гдѣ я? Одинъ! Гдѣ Авель? Каинъ, гдѣ ты?
Возможно ли, что Каинъ—я? Проснись,
Встань, братъ! Скажи, зачѣмъ ты легъ на землю?
Теперь не ночь... И отчего ты блѣденъ?
Братъ, что съ тобой?—Ты былъ еще сегодня
Такъ полонъ жизни! Авель, не шути,—
Прошу тебя. Ударъ мой былъ ужасенъ,
Но онъ, вѣдь, не смертеленъ... Ахъ, зачѣмъ
Ты шелъ ему навстрѣчу? Я ударилъ,
Но, вѣдь, ударилъ только! О, я знаю,—
Ты хочешь напугать меня! Вздохни,
Пошевелись,—хоть разъ пошевелися!
Вотъ такъ... вотъ такъ... Ты дышишь! Братъ! Дыши!..
О, Боже мой!

Авель, едва слышно.

Кто здѣсь взываетъ къ Богу?

Каинъ.

Убійца твой.

Авель.

Пусть Богъ ему отпустить.
Братъ, не забудь о Селлѣ; у нея

Братъ — только ты.

Умираетъ.

Кайнъ.

А у меня нѣтъ брата!..

Но онъ глядитъ! Такъ онъ не мертвъ? Вѣдь смерть
Подобна сну, а сонъ смыкаетъ очи...

Вотъ и уста открыты — значить, дышать?

Но нѣтъ, они не дышатъ!.. Сердце, сердце,

Послушаю, не бьется-ль сердце?.. Нѣтъ!

Такъ гдѣ же я? Во снѣ, иль на яву,

Въ какомъ-то страшномъ мѣрѣ? Все кружится

Въ глазахъ моихъ... А это что? Роса?

*Касается рукой лба, потомъ смотритъ
на нее.*

Нѣтъ, не роса! Нѣтъ, это кровь—кровь брата,

И эта кровь — мной пролита! На что же

Мнѣ жизнь теперь, когда я отнялъ жизнь,

Исторгнулъ духъ изъ столь родной мнѣ плоти?

Но онъ не мертвъ! Смерть развѣ есть молчанье?

Нѣтъ, встанетъ онъ, — я буду ждать, я буду

Стеречь его. Вѣдь жизнь не столь ничтожна,

Чтобъ такъ легко угаснуть. И давно ли

Онъ говорилъ? Скажу ему... Но что?

Братъ!.. Нѣтъ, не такъ — онъ мнѣ не отзовется

На этотъ зовъ: братъ не убилъ бы брата...

И все-таки... И все-таки — хоть слово!

Хоть только звукъ изъ милыхъ устъ, чтобъ я

Могъ выносить звукъ собственнаго слова!

Входитъ Селла.

Селла.

Я слышу стонъ,—кто стонетъ здѣсь? Вонъ Каинъ,
Вонъ Авель распростертый... Каинъ, что ты
Здѣсь дѣлаешь? Онъ задремалъ? О, небо!
Онъ блѣденъ, онъ... Нѣтъ, то не кровь! Откуда
Возьметса кровь? Откуда? Авель, Авель!
Что это значитъ? Что съ тобой?— Не дышитъ,
Не движется: рука скользитъ, какъ камень,
Изъ рукъ моихъ! О, безсердечный Каинъ!
Какъ могъ ты не поспѣть къ нему на помощь?
Ты бь отразилъ убійцу, ты могучъ,
Ты долженъ былъ спасти его... Родитель!
Мать! Ада! гдѣ вы? Въ мірѣ—Смерть!

Убываетъ, призывая родителей.

Каинъ.

Да, смерть!

И это я, который ненавиждѣлъ
Такъ страстно смерть, что даже мысль о смерти
Всю жизнь мнѣ отравила,— это я
Смерть въ мірѣ призвалъ, чтобъ собственнаго брата
Толкнуть въ ея холодныя объятія!
Я, наконецъ, проснулся,— обезумилъ
Меня мой сонъ,— а онъ ужъ не проснется!

Входятъ Адамъ, Ева, Ада и Селла.

Адамъ.

Я прихожу на скорбный голосъ Селлы.
Что вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!
Вотъ, женщина, слѣдъ змія!

Е в а.

О, молчи,

Молчи о немъ: глубоко зубы змя
Впились мнѣ въ грудь! Мой ненаглядный Авель
Иегова! наказанье превышаетъ
Мои грѣхи!

А дамъ.

Кто это сдѣлалъ, Каинъ?
Ты былъ при немъ, — скажи, кто это сдѣлалъ?
Враждебный ли намъ ангелъ, отступившій
Отъ Господа, иль дикій звѣрь лѣсной?

Е в а.

Ахъ, въ этой тьмѣ, какъ молнія, сверкаетъ
Зловѣщій свѣтъ: вонъ головня, — смотрите,
Она въ крови!

А дамъ.

Скажи хоть слово, Каинъ,
Скажи и убѣди насъ, что въ несчастьи
Мы не вдвойнѣ несчастны.

А да.

Отвѣчай имъ

Скажи, что ты невиненъ.

Е в а.

Онъ виновенъ
Теперь я это вижу; онъ поникъ

Преступной головой и закрываетъ
Свирѣпый взоръ кровавыми руками.

А да.

Мать, ты несправедлива.—Каинъ, что же
Ты не разсѣешь страшныхъ обвиненій,
Сорвавшихся съ устъ матери въ минуту
Безумныхъ мукъ?

Е ва.

Внемли мнѣ, о Іегова!
Будь проклятъ онъ проклятьемъ вѣчнымъ змія!
Да будетъ онъ снѣдаемъ вѣчной скорбью,
Да будетъ...

А да.

Мать! Остановись,—онъ сынъ твой,
Онъ мой супругъ, онъ братъ мой...

Е ва.

Онъ лишилъ

Тебя родного брата, Селлу — мужа,
Меня — родного сына. Будь же онъ
Навѣки скрытъ отъ глазъ моихъ! Всѣ узы
Я разрываю съ нимъ, не пощадившимъ
Связь братскихъ узъ. О, смерть! Не я ль ввела
Тебя въ нашъ міръ? Зачѣмъ же не меня ты
Взяла отъ міра?

А дамъ.

Ева! Ты доводишь

Свою печаль до ропота на Бога.
Нашъ тяжкій рокъ былъ намъ давно предсказанъ,
И вотъ сбылось рѣченное,—склонимъ же
Свою главу предъ Господомъ: да будетъ
Его святая воля!

Е в а.

Не Господь —

Нѣтъ, это онъ, вотъ этотъ призракъ Смерти,
Котораго на свѣтъ я породила,
Чтобъ онъ усѣялъ землю мертвецами,—
Повергъ его! Да будутъ же надъ нимъ
Проклятья всѣхъ живущихъ, и въ мученьяхъ
Пусть онъ бѣжитъ въ пустыню, какъ бѣжали
Изъ рая мы, пока родныя дѣти
Не умертвятъ братоубійцу! Пусть
Горящими мечами херувимовъ
Преслѣдуемъ онъ будетъ дни и ночи!
Пусть всѣ плоды земные превратятся
Въ его устахъ во прахъ и пепель,—змѣи
Устелятъ всѣ пути его,—листву,
Гдѣ онъ главу усталую преклонить,
Усѣютъ скорпіоны! Пусть онъ грезить
Во снѣ своею жертвой, на яву —
Зритъ лишь одно — зловѣщій образъ смерти!
Пусть всѣ ручьи, когда, сгорая жаждой,
Прильнетъ онъ къ нимъ нечистыми устами,
Ручьями крови стануть! Пусть стихии
Его врагами будутъ! Пусть живетъ онъ
Въ мученіяхъ, въ которыхъ умираютъ,
А смерть ему пусть будетъ хуже смерти!
Сгинь съ глазъ, братоубійца! Этотъ звукъ

Отнынѣ міръ замѣнитъ словомъ *Каинъ*,
И будетъ ненавистенъ онъ вовѣки
Для міриадъ сыновъ твоихъ. Пусть всюду,
Гдѣ ступишь ты, трава изсохнетъ! Пусть
Зеленый лѣсъ тебѣ откажетъ въ сѣни,
Земля — въ жилищѣ, прахъ — въ могилѣ, солнце —
Въ сіяніи, и небеса — въ ихъ Богѣ!

Уходитъ.

Адамъ.

Иди отъ насъ: мы жить не можемъ вмѣстѣ.
Иди! Оставь усопшаго — отнынѣ
Я одинокъ — мы не должны встрѣчаться.

Ада.

Отецъ, будь милосердъ! Не прибавляй
Къ проклятыямъ Евы новаго проклятья!

Адамъ.

Я не клянусь. Его проклятье — совѣсть.
Селла! Идемъ.

Селла.

Мой долгъ — остаться здѣсь,
Надъ тѣломъ мужа.

Адамъ.

Мы сюда вернемся,
Дай лишь уйти тому, кто уготовалъ
Тебѣ твой долгъ ужасный.

Селла.

Дай хоть разъ
Поцѣловать мнѣ хладный прахъ и эти
Уста, навѣкъ остывшія. О Авель!

Уходятъ Адамъ и Селла.

Ада.

Ты слышалъ, Каинъ: мы должны итти.
Я въ путь уже готова, — остается
Намъ взять дѣтей. Я понесу Эноха,
Ты — дѣвочку. Намъ надо до заката
Найти ночлегъ, чтобъ не идти пустыней
Подъ кровомъ тьмы. Но ты молчишь, не хочешь
Отвѣтить мнѣ — твоей супругѣ, Адѣ?

Каинъ.

Оставь меня.

Ада.

Но ты оставленъ всѣми!

Каинъ.

И ты оставь. Ты развѣ не страшишься
Жить съ Каиномъ, съ убійцей?

Ада.

Я страшусь
Лишь одного — съ тобой разлуки. Трепетъ

Внушаетъ мнѣ твой тяжкій грѣхъ, но мнѣ ли
Судить его? Судья — Всевышній.

Голосъ.

Каинъ!

Ада.

Ты слышишь голосъ?

Голосъ.

Каинъ! Каинъ!

Ада.

Слышишь?

То голосъ ангела.

Входитъ Ангелъ Господень.

Ангель.

Гдѣ братъ твой Авель?

Каинъ.

Я развѣ сторожъ Авеля?

Ангель.

О, Каинъ!

Что сдѣлалъ ты? Гласъ неповинной крови

Ко Господу взываетъ. Проклятъ ты
Отнынѣ всей землею, что отверзла
Свои уста, чтобъ эту кровь пріять.
За тяжкій трудъ она тебѣ отнынѣ
Не дастъ плода. Скитальцемъ неприютнымъ
Ты будешь жить отнынѣ.

А да.

Онъ не въ силахъ
Перенести такого наказанья,
Вотъ ты изгналъ его съ лица земли
И скроется онъ отъ лица Господня,
Изгнанникъ и скиталець на землѣ,
И будетъ беззащитенъ: всякій встрѣчный
Убьетъ его.

Каинъ.

О, если бы! Но кто
Убьетъ меня? Кто встрѣтитъ на безлюдной,
Пустой землѣ?

Ангелъ.

Но ты — убійца брата.
Кто можетъ защитить тебя отъ сына?

А да.

Будь милосердъ, пресвѣтлый! Какъ помыслить,
Что эта грудь скорбящая питаетъ
Отцеубійцу лютаго?

А Н Г Е Л Ъ .

Онъ будетъ

Тогда лишь тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ.
Грудь Евы не питала ли въ дни оны
Того, кто здѣсь теперь лежитъ во прахѣ?
Братоубійца можетъ породить
Отцеубійць. Но этого не будетъ:
Мой Богъ велитъ мнѣ положить печать
На Каина, чтобъ онъ въ своихъ скитаньяхъ
Былъ невредимъ. Тому въ семь разъ воздастся,
Кто посягнетъ на Каина. Приблизься.

К а и н ъ .

Скажи, зачѣмъ?

А н г е л њ .

Затѣмъ, чтобъ заклеить
Твое чело, да огражденъ ты будешь
Отъ рукъ убійць.

К а и н ъ .

Нѣтъ, лучше смерть!

А н г е л њ , *налая клеймо на чело*
Каина.

Ты долженъ

И будешь жить.

К а и н ъ .

Мое чело пылаетъ,
Но мозгъ горитъ сильнѣе во сто кратъ.

Ангель.

Строптивъ ты былъ и жѣстокъ съ дня рожденья,
Какъ почва, надъ которою отнынѣ
Ты осужденъ трудиться; онъ же — кротокъ,
Какъ овцы стадъ, которыя онъ пасъ.

Каинъ.

Я былъ зачатъ въ дни первыхъ слезъ о Раѣ,
Когда отецъ еще скорбѣлъ о немъ,
А мать была еще подъ властью змія.
Я сынъ грѣха; я не стремился къ жизни,
Не самъ создалъ свой темный духъ; но если бѣ
Я могъ своею собственною жизнью
Дать жизнь ему... Ужели даже смерть
Не приметъ этой жертвы? Онъ возстанетъ,
Я буду мертвъ; онъ былъ угоденъ Богу,
Такъ пусть онъ вновь восприметъ жизнь, а я
Лишусь ея томительнаго ига!

Ангель.

Ты долженъ жить. Твой грѣхъ — неизгладимый.
Иди, исполни дни свои — и впредь
Не омрачай ихъ новыми грѣхами.

Исчезаетъ.

Ада.

Онъ отошелъ. Пойдемъ и мы. Я слышу
Плачь нашего малютки.

К а и н ъ.

О, малютка

Не знаетъ самъ, о чемъ онъ плачетъ; я же,
Пролившій кровь, ужъ не могу лить слезъ,
Хотя всѣхъ рѣкъ Эдема не хватило бѣ,
Чтобъ смыть мой грѣхъ. Увѣрена ли ты,
Что отъ меня мой сынъ не отвернется?

А д а.

Когда бѣ не такъ, то я...

К а и н ъ.

Оставь угрозы.

Не мало мы внимали имъ; иди,
Бери дѣтей — я буду за тобою.

А д а.

Я одного тебя здѣсь не оставлю.
Уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

К а и н ъ.

О, безмолвный

И вѣчный обличитель! Ты, чья кровь
Весь міръ мнѣ затемняетъ! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взоръ твой видитъ,
Чѣмъ сталъ твой братъ, то ты простишь того,
Кому ни богъ, ни собственное сердце
Ужъ не дадутъ забвенія. Прощай!

Я не дерзну, не долженъ прикасаться
Къ тому, чѣмъ сталь ты отъ руки моей.
Я, кто съ тобой рожденъ одной утробой,
Одною грудью вскормленъ, кто такъ часто
Съ любовью братской къ сердцу прижималъ
Тебя въ дни нашей юности, — я больше
Тебя ужъ не увижу и не смѣю
Исполнить то, что долженъ былъ исполнить
Ты для меня — сложить твой прахъ въ могилу,
Изрытую для смертнаго впервые,
И кѣмъ же? Мной! Земля! Земля! За все,
Что ты мнѣ даровала, я дарую
Тебѣ лишь трупъ! — Теперь идемъ въ пустыню.

Ада, припадая къ тѣлу Авеля и цѣлуя его.

Ужасною, безвременною смертью
Погибъ ты, братъ! Изъ всѣхъ, въ слезахъ скорбящихъ,
Лишь я одна скрываю скорбь. Мой долгъ
Не проливать, но осушать тѣ слезы,
И все жъ никто такъ не скорбитъ, какъ Ада,
Не только о тебѣ, но и о томъ,
Кто твой убійца. — Каинъ! Я готова
Дѣлать твои скитанія.

Каинъ.

Къ востоку
Лежитъ намъ путь. Тамъ мертвый край, онъ больше
Пристоенъ мнѣ.

Ада.

Веди! Ты долженъ быть

Моимъ вождемъ отнынѣ, и да будетъ
Твоимъ — нашъ Богъ. Идемъ, возьмемъ дѣтей.

К а и н ѣ.

А онъ — онъ былъ бездѣтенъ. И навѣки
Изсякъ источникъ кроткѣй, что потомствомъ
Украстить могъ супружеское ложе
И умягчить сердца моихъ потомковъ,
Соединивши чадъ своихъ съ моими.
О, Авель, Авель!

А да.

Миръ ему!

К а и н ѣ.

А мнѣ?

Уходятъ.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКИЙ, 102.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

БАЙРОНЪ. „Каинъ“. Пер. Ив. Бунина. Обложка
В. Чемберса. Цѣна 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

А. ФЕДОРОВЪ. Сонеты. Обложка И. Я. Билибина.
Цѣна 40 коп.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Сборникъ разсказовъ. Обложка
М. Добужинскаго. Цѣна 50 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

А. АМФИТЕАТРОВЪ. Современныя сказки.
Обложка И. Билибина Цѣна 50 коп.

ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Политическія сказочки.
Обложка М. Добужинскаго. Цѣна 30 коп.

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Пять фарсовъ для любителей.
Цѣна 40 коп.

ПАРВУСЪ. По тюрьмамъ во время революціи.
(Печатается).

О. БЕРДСЛЕЙ. Альбомъ избранныхъ рисунковъ.
60 рисунковъ съ портретомъ художника. Ц. 1 р. 25 к.

П. өЕДОТОВЪ. Альбомъ рисунковъ (Готовится къ
печати).

ГОЙА. Офорты. (Готовятся къ печати).

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

НЕВСКИЙ, 102.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ.

ГЮБЕРЪ ЛЯГАРДЕЛЛЬ. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный перев. съ рукописи. Ц. 40к.
А. ЛАБРИОЛА. Реформизмъ и синдикализмъ. Съ предислов. автора къ русскому изданію. Переводъ подъ редакціей и съ послѣслов. А. Луначарскаго. (Печатается).

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. О социализмъ и анархизмъ. (Печатается).

ЕГО ЖЕ. Три кадета. Политическій памфлетъ. (Печатается).

А. АМФИТЕАТРОВЪ. Побѣдоносцевъ. Политическій памфлетъ. (Печатается).

К. МАРКСЪ. Къ критикъ политической экономіи. Съ предислов. К. Каутскаго. Переводъ и предисловіе къ русскому изданію П. Румянцева. Ц. 90 к.

Г. ЧУЛКОВЪ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. (Печатается).

НА СКЛАДЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМѢЕТСЯ:

СБОРНИКЪ „ФАКЕЛЫ“.

КНИГА ПЕРВАЯ. Содержаніе: Леонидъ Андреевъ, „Такъ было“, Разсказъ. Осипъ Дымовъ, „Бунтовщики“, Разсказъ. Л. Зиновьева-Аннибалъ, „Нѣтъ“, Разсказы. Ал. Блокъ, „Балаганчикъ“, Лирическія сцены. Стихи Вяч. Иванова, Ѳедора Сологуба, Георгія Чулкова и др.

КНИГА ВТОРАЯ. (Готовится къ печ.). Содержаніе: Вяч. Ивановъ, Познанье и воля. Георгій Чулковъ, Максъ Штирнеръ. Ал. Ваганский, Вакунинъ и Марксъ. Ст. Вржескій, Прошлое и настоящее анархизма. Левъ Шестовъ, Загадочная поэзія. Цѣна каждаго тома 1 руб.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. О мистическомъ анархизмъ. Со вступ. статьей Вяч. Иванова „О неприятіи міра“. Изд. „Факелы“. Ц. 60 к.

Изданія Т-ва „ЗНАНІЄ“.

И. БУНИНЪ. Томъ I. Разказы. Изданіе третье. Цѣна 1 р.

И. БУНИНЪ. Томъ II. Стихотворенія.

Содержаніе: Книга „Листопадъ“ (награжд. Пушкинской Преміей Академіи Наукъ).— Кн. „Нов. Стихотвор.“— Стихотвор. 1902.

Цѣна 1 руб.

И. БУНИНЪ. Томъ III. Стихотворенія 1903 — 1906 г.

Цѣна 1 руб.

БАЙРОНЪ. МАНФРЕДЪ.

Новый переводъ въ стихахъ **И. А. Бунина**.

Цѣна 40 коп.

ЛОНГФЕЛЛО. Пѣснь о Гайаватѣ.

Переводъ въ стихахъ **И. А. Бунина**. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 руб.

Переводъ награжденъ Пушкинск. преміей Акад. Наукъ.

Отзывы печати о переводѣ:

„Во всемірной литературѣ немного есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы „Пѣснь о Гайаватѣ“... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ“. (*Русск. Вѣдомости*).

„Лонгфелло занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его — „Пѣснь о Гайаватѣ“. Переводчикъ вполне успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣлъ сохранить необыкновенную простоту стіля подлинника, не ослабивъ его могучей образности“... (*Мірз Божій*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить „Пѣснь о Гайаватѣ“... (*Сынъ Отечества*).

„Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большей своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. А. Бунина (*Андреевичъ*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ міровой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходитъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполне духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему“... (*Дионео*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ: онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала“... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

ОБЛОЖКА, ЗАСТАВКИ и КОНЦОВКИ

ИСПОЛНЕНА

ХУДОЖНИКОМЪ В. Я. ЧЕМБЕРСОМЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ШИПОВНИКЪ